

ТЁМНАЯ СТОРОНА СЕНТ-ИВЕРА

Алина Морриган

18+

Алина Морриган
Тёмная сторона Сент-Ивера

«Автор»

2026

Морриган А.

Тёмная сторона Сент-Ивера / А. Морриган — «Автор», 2026

Сент-Ивер. Город вечных дождей и серых улиц. Здесь, в старом офисном здании, работает частное детективное агентство «Темная сторона». И здесь же начинается охота. Когда в заброшенной оранжерее находят тело женщины с застывшей улыбкой и пластинкой «002» под ногой, полиция заходит в тупик. Нора Салливан, гениальный детектив с острым умом и привычкой видеть то, что скрыто от других, понимает: это не просто убийство. Это искусство. Кто-то нумерует свои жертвы, превращая смерть в идеальный кадр. Вместе с напарником Калобом и хакером Лео Нора вступает в опасную игру с Фотографом — неуловимым маньяком, который всегда на шаг впереди. Но чем глубже она погружается в расследование, тем яснее понимает: это дело касается её лично. Прошлое, которое она считала похороненным, оживает. «Темная сторона» — первый роман цикла о детективе, который видит людей насквозь, и о монстрах, которые прячутся среди нас.

© Морриган А., 2026

© Автор, 2026

Алина Морриган

Тёмная сторона Сент-Ивера

Пролог

Заброшенный кинотеатр «Рояль» в Милдхейвене закрылся двадцать лет назад, но местные до сих пор обходили его стороной. Говорили, что там водятся призраки, что стены помнят слишком много, что даже крысы обходят это место за квартал. Врали, наверное. Или нет. Теперь это уже не имело значения.

Патрульный, который первым вошёл в здание, потом не мог спать три ночи. Не потому, что он увидел что-то страшное в прямом смысле – крови было мало, и тело выглядело почти... спокойным. Но в этом спокойствии было что-то неправильное. Что-то, от чего волосы на затылке вставали дыбом.

Женщина сидела в первом ряду. Руки сложены на коленях, голова чуть повернута влево, глаза открыты, смотрят прямо на экран, который уже давно ничего не показывал. На ней было дорогое шёлковое платье, волосы уложены в сложную причёску, макияж – идеальный. С первого взгляда – живая. Если бы не абсолютная, мёртвая неподвижность.

– Сердечный приступ, – сказал старший следователь, глядя на тело. – Вызвать врача, пусть оформляет. Женщина одна, в кинотеатре, сердце не выдержало. Бывает.

Он уже повернулся к выходу, когда заметил, что его помощник не движется с места. Молодой парень, только что из академии, смотрел на тело с таким выражением, будто видел призрака.

– Что там? – рявкнул старший.

– Сэр... у неё под ногой что-то есть.

Старший нехотя вернулся, наклонился, посмотрел. Под левой ногой женщины, на старом, пыльном ковре, лежала маленькая медная пластинка. Он взял её в руки, повертел. На одной стороне была гравировка: «001. ISO 100».

– Мусор какой-то, – сказал он, бросив пластинку в карман. – Идём.

Он так и не понял, что нашёл. Не понял, что держал в руках ключ к чему-то гораздо большему, чем смерть одинокой женщины в заброшенном кинотеатре. Не понял, что это только начало.

Через два года, в другом городе, в другом заброшенном здании, найдётся вторая такая пластинка. И тогда начнётся охота.

Но в тот день, в Милдхейвене, всё было тихо. Дождь моросил, город жил своей обычной жизнью, никто не знал, что первый кадр уже сделан.

А в сотне километров отсюда, в Сент-Ивере, Нора Салливан сидела на старом кожаном диване, завернутая в плед, и понятия не имела, что совсем скоро её мир перевернётся. Что она будет бегать по ночным улицам, разгадывать чужие загадки, находить врагов там, где не ждала. Что однажды она посмотрит в глаза человеку, который сделал этот первый кадр.

Но это будет потом.

А пока – тишина. Только дождь за окном и маленькая медная пластинка в кармане человека, который не знает её цены.

Глава 1: Глубина резкости

Сент-Ивер за окном напоминал затекший аквариум. Серый, холодный и абсолютно неподвижный. Рыбы давно сдохли, вода превратилась в студень, а водоросли – в каменные джунгли небоскребов. За мутным стеклом, которое не мыли, кажется, с начала Эпохи Сборки, тяжелые капли дождя не падали, а сползали по вертикали, оставляя за собой мутные дорожки. Где-то там, внизу, по мостовым текли такие же серые люди, укрываясь зонтами из дешевого пластика, но сюда, на четвертый этаж старого здания, не долетало ни звука их шагов, ни сигналов автомобилей. Город молчал, как немое кино.

Помещение, которое значилось в документах как «Детективное агентство «Темная сторона», не видело ремонта с тех пор, как электричество стало нормой жизни. Возможно, даже раньше. Обои цвета засохшей горчицы пузырились в углах, и в этих пузырях, казалось, застыла сама эпоха – вздохи прежних владельцев, обрывки телефонных разговоров, запах дешевого табака, которым здесь давно не курили. По высокому потолку, теряющемуся в полумраке, тянулись трещины, похожие на карту неизвестного материка – материка, который никто не хотел открывать. Здесь пахло сложно и густо: старой бумагой, чей целлюлозный дух въелся в стены, озоном от вечно работающих мониторов и застоявшейся пылью, которая поднималась в воздух тончайшей взвесью, если сделать резкое движение.

Вдоль стен выстроились четыре массивных стола из мореного дуба. И ни один из них не был пуст.

Первый стол, ближе к двери, утопал в ровных стопках папок с разноцветными корешками. На каждой – аккуратная наклейка с датой и шифром. Ручка с синими чернилами лежала строго параллельно краю стола, рядом – лупа на подставке и стаканчик для канцелярских принадлежностей, где карандаши торчали по росту, как солдаты на плацу. На мониторе, выключенном и прикрытом от пыли полиэтиленовым чехлом, стояла фарфоровая кружка с отбитой ручкой – в ней кто-то когда-то держал карандаши, но давно забыл. Стул за этим столом был задвинут идеально ровно, словно его хозяин вышел на минуту и вот-вот вернется.

Второй стол, напротив, представлял собой полную противоположность. Здесь царил организованный хаос: раскрытые справочники лежали стопками друг на друге, из-под них торчали распечатки каких-то графиков, а на самом верху громоздилась пепельница, полная окурков – хотя в агентстве никто не курил уже месяц, с тех пор как Нора вышвырнула последнюю пачку сигарет в окно. На спинке стула висел мужской пиджак – дорогой, из хорошей ткани, но давно не глаженный. Кто-то оставил его здесь и забыл. Или не захотел забирать.

Третий стол, самый дальний от входа, принадлежал Лео. И если остальные столы хранили молчаливые тайны своих хозяев, этот стол кричал. Кричал проводами, мониторами и пустыми банками из-под энергетиков.

Три монитора стояли полукругом, создавая иллюзию командного центра космического корабля. Центральный – самый большой, с разбитым в левом верхнем углу пикселем, который теперь светился зеленой точкой независимо от того, что показывалось на экране. Левый – вертикально ориентированный, на нем бесконечным потоком бежали строки кода, сменяя друг друга быстрее, чем глаз успевал уловить хоть одно слово. Правый – разделенный на двенадцать маленьких окон, в каждом из которых мелькали кадры с городских камер наблюдения, графики, схемы и какие-то непонятные непосвященному глазу интерфейсы.

Клавиатура, стоящая перед мониторами, была наполовину залита чем-то липким и сладким – остатки энергетика, опрокинутого вчера ночью, когда Лео отключался от усталости прямо за работой. Рядом с клавиатурой возвышалась целая башня из пустых банок: «Burn», «Volt», «Black Monster» – всех цветов и степеней ядовитости. Некоторые были смяты в лепешку одним движением, другие аккуратно поставлены друг на друга, создавая карточный домик из алюминия и кофеина.

Под столом, опутанные кабелями, гудели два системных блока – Лео собрал их сам из старых запчастей, и они работали с таким шумом, будто внутри каждого сидел маленький реактивный двигатель. Вентиляторы выдували теплый воздух, от которого в углу Лео всегда было на пару градусов теплее, чем в остальном помещении.

Четвертый стол, в самом углу у окна, принадлежал Норе. Здесь жизнь не просто теплилась – она была ключом. Стол задыхался под горой распечаток. Бумажные сталагмиты громоздились на спектрограммах, те покоились на раскрытых справочниках по токсикологии, психологии и криминалистике, а венчали эту башню россыпь пустых блистеров от таблеток и надкусанное яблоко, успевшее стать коричневым. Рядом с клавиатурой, заляпанной следами кофе, валялся огрызок карандаша и несколько скомканных листов – неудачные попытки набросать схему, которую Нора в итоге нарисовала прямо на обоях за своим столом.

За третьим столом, там, где громоздились те самые энергетика и мониторы, сидел Лео. Молоденький паренек, чуть младше Норы – на вид ему можно было дать лет девятнадцать, не больше. Светлые, вечно взлохмаченные волосы торчали в разные стороны, словно он только что встал с кровати и забыл причесаться. Очки в тонкой металлической оправе сползли на кончик носа, но он их не поправлял – все внимание было приковано к трем мониторам, которые он умудрился втиснуть между стопками книг.

Он работал в три руки, не отрываясь, и при этом умудрялся жевать второй бутерброд с синтетической колбасой, зажав его между мизинцем и безымянным пальцем левой руки.

Внезапно на центральном экране вспыхнуло оранжевое окно оповещения. Лео замер на секунду, проглотил бутерброд почти не жуя и ткнул пальцем в иконку. На экране развернулась карта города, и по ней побежала зеленая точка. Трекер, вшитый в пропуск детектива Харпера из департамента полиции, исправно передавал сигнал. Лео глянул на время прибытия, бросил быстрый взгляд на диван в углу комнаты и едва слышно хмыкнул.

– Эй, Нор, – позвал он негромко, не повышая голоса. – Там Харпер через три минуты будет. Топают от парковки.

Ответа не последовало.

Лео обернулся.

В углу комнаты, на старом кожаном диване, чья обивка давно покрылась сетью мелких трещин, похожих на морщины на лице очень старого человека, спала Нора. Завернутая в колючий плед, она едва заметно посапывала. Из-под шерстяного кокона выбивались спутанные пряди светлых волос – длинные, до лопаток, они разметались по подушке золотистым ореолом. В этом тусклом свете, пробивающемся сквозь грязное окно, она казалась совсем юной, почти подростком, который провел всю ночь за компьютерными играми или чтением запрещенных книг из андеграундных архивов.

Тонкие черты лица, прямой нос и длинные ресницы выдавали в ней редкую, хрупкую красоту, которую она старательно прятала за мешковатой одеждой и вечным отсутствием сна. Сейчас, в расслабленном состоянии, она была почти беззащитна, но даже во сне брови ее были чуть нахмурены, словно где-то в подсознании процессор ее мозга продолжал перебирать улики, сопоставлять факты и отбрасывать ложные версии.

Лео вздохнул. Он знал: будить Нору – занятие неблагодарное. Но Харпер платил за информацию исправно, а исправно платящие клиенты стоили того, чтобы ради них хотя бы попытаться разбудить спящего гения.

Он встал из-за своего стола, лавируя между стопками книг на полу, подошел к дивану и аккуратно тронул Нору за плечо.

– Нор. Восходящее солнце. Детектив Харпер. Через две минуты.

Нора не шелохнулась, но посапывание прекратилось. Она не открыла глаз. Просто лежала, и Лео знал – она уже не спит. Ее мозг вынырнул из сна мгновенно, без обычной для людей минуты растерянности. Сейчас она слушала. Сканировала. Анализировала.

Лео вернулся за свой стол, уселся в кресло и сделал вид, что поглощен мониторами. Ровно в ту секунду, когда зеленая точка на карте поравнялась с дверью агентства, в коридоре раздались шаги.

Сухие. Четкие. Трижды.

Звук был коротким, деловым, без тени сомнения.

Лео глянул на диван. Нора по-прежнему лежала с закрытыми глазами, но он знал: она слушает шаги так же внимательно, как если бы смотрела на идущего человека. Вес обуви – тяжелые ботинки на микропоре, казенная обувь. Ритм – уверенный, но с заминкой у порога, как у человека, который не знает, можно ли ему входить.

– Дверь не заперта, – проговорила Нора в плед. Голос был тусклым, лишенным эмоций, словно она разговаривала во сне.

Дверь скрипнула.

Детектив Харпер вошел, стараясь не наступать на скрипучую половицу прямо у входа – ту самую, которую Нора для каждого новичка помечала, демонстративно на нее наступая. Он остановился у края стола Лео, не решаясь подойти ближе к дивану, словно боялся нарушить

негласную границу. Он мял в руках края своего мокрого дождевика из дешевого нейлона, и этот звук – влажное, липкое трение ткани – явно действовал на нервы обоим.

Взгляд Харпера скользнул по столам – по аккуратным папкам первого, по хаосу второго, по техническим завалам третьего, по нориному бардаку в углу. Он задержался на пиджаке, висящем на спинке стула у второго стола, но ничего не спросил. В агентстве «Темная сторона» было много странностей, и Харпер давно перестал удивляться.

Лео поднял на него глаза, кивнул коротко и снова уткнулся в мониторы. Он уже видел всё, что нужно: Харпер нервничает, пришел не с отчетом, а с запросом, и запрос этот явно выходит за рамки обычной бытовухи.

– Мисс, – Харпер кашлянул в кулак, прочищая горло. Он всегда обращался к ней подчеркнуто официально, хотя работали вместе уже полгода. «Мисс» было безопаснее, чем «Нора», и честнее, чем «детектив», потому что официально она детективом не была. – У нас вызов. Оранжеря в «Олд-Мид».

Нора медленно, словно нехотя, откинула край пледа. Один глаз, покрасневший от хронического недосыпа и яркости экранов, впился в детектива немигающим взглядом. Харпер отвел глаза. Он всегда отводил, когда она так смотрела – словно сканировала, считывая не только внешность, но и уровень кортизола в крови, и количество невыпитых утром чашек кофе.

Она села, и плед сполз на пол, обнажая безразмерную худу с выцветшим, почти нечитаемым принтом какой-то древней рок-группы и помятые джинсы, которые, судя по пятнам на коленях, видели немало мест преступления в качестве сиденья. Она потерла лицо ладонями, пытаясь стряхнуть оцепенение, но это был не просто сон. Это была биохимия. Её гениальность была её проклятием: мозг, работающий на предельных скоростях, потреблял энергии втрое больше нормы, сжигал все ресурсы – глюкозу, витамины, нейромедиаторы, – оставляя тело в состоянии вечного, болезненного износа. Она чувствовала себя так, будто пробежала марафон, пока спала.

– Сент-Ивер окончательно прогнал, Харпер? – она начала натягивать кеды, даже не взглянув на шнурки. Пальцы двигались сами, на автомате, завязывая хитрый узел, который не развязывался целый день. – Обычно вы справляетесь сами, когда речь идет о чем-то... тривиальном. Бытовуха, разборки, очередной передоз дешевым синтетическим счастьем.

– Там не тривиально, – Харпер наконец поднял на неё взгляд. В его глазах читалось что-то странное. Не страх, не отвращение, а скорее... замешательство. – Там вообще ничего нет. Ни гильз, ни следов борьбы, ни даже отпечатков подошв на влажном черноземе. Пусто. Как будто ее туда поставили, как куклу.

За спиной Харпера Лео замер, перестав жевать. Его пальцы уже отстукивали новый запрос – пробивка по «Олд-Мид» за последние сутки. Камеры, вызовы, любые аномалии.

Нора замерла с наполовину завязанным шнурком. Её пальцы, тонкие и неестественно бледные, с коротко остриженными ногтями, на секунду сжали шнурок так, что костяшки побелели. Она не спросила, есть ли труп. Она знала, что Харпер не пришел бы сюда из-за кражи цветов или драки садовников. Если он пришел к ней – значит, смерть была. Но смерть, которая не вписывается в протоколы.

– Кофе, – бросила она, резко вставая. Её пошатнуло – кровь отлила от головы, и перед глазами на секунду поплыли цветные пятна. Она на мгновение оперлась на спинку дивана, восстанавливая равновесие. – Надеюсь, он хотя бы теплый.

Харпер протянул ей стаканчик из ближайшей кофейни, заранее зная о просьбе. Лео уже вывел на правый монитор карту оранжереи и начал прогонять записи с ближайших камер за последние двенадцать часов, увеличивая скорость, замедляя, ища аномалии.

Нора сделала глоток, поморщилась – кофе был едва теплым, горьким и отдавал пластмассой, – но второй глоток сделала больше.

– Лео, – позвала она, не оборачиваясь. – Пробей «Олд-Мид» по базе архитектурного надзора. Когда там меняли стекла в последний раз, кто подрядчик, были ли иски по освещению. И найди мне всё, что есть по оптическому оборудованию в парке. Камеры, фонари, все.

– Уже, – отозвался Лео, не отрываясь от экранов. – Стекла меняли три года назад, подрядчик «ГлассКорп». Ничего криминального. Освещение – стандарт, городской тариф. Но камер там... – Он хмыкнул. – Интересно. Четыре камеры по периметру оранжереи. Три из них не работали последние две недели. Четвертую отключили вручную вчера в двадцать три сорок семь.

Нора медленно перевела взгляд на Лео. В ее глазах зажегся тот самый холодный огонь, который Лео знал слишком хорошо.

– Вручную, – повторила она. – Не поломка, не сбой. Отключение.

– Ага, – кивнул Лео. – И знаешь, что смешно? Сигнал отключения пришел не с пульта охраны парка. Он пришел с частного IP, замаскированного под городскую сеть. Я копну глубже, но это займет время. – Он потер переносицу под очками. – Кто бы это ни сделал, он знает систему.

Харпер переводил взгляд с Норы на Лео и обратно, пытаясь уловить нить разговора. Его взгляд снова упал на пиджак на втором столе, на аккуратные папки первого. В агентстве было тихо, только гудели мониторы Лео да поскрипывали половицы под ногами.

– Так вы поедете? – спросил он осторожно.

Нора допила кофе, смяла пластиковый стаканчик и бросила его в урну, которая стояла ровно в двух метрах. Стаканчик влетел с первого раза, даже не коснувшись краев.

– Поедем, – сказала она. – Ты с нами, Лео. Харпер, вы с нами в одной машине. По дороге расскажете всё, что знаете. Лео, захвати планшет и подключайся к городским архивам по дороге. – Она уже натягивала худи, поправляла капюшон. – Что-то мне подсказывает, что «Олд-Мид» сегодня утром стал самым интересным местом в этом городе.

Она направилась к выходу, и Лео, вздохнув, начал быстро сворачивать программы, отключать мониторы и собирать оборудование в старую сумку через плечо. Он глянул на Харпера и усмехнулся уголком губ.

– Держитесь, детектив. Когда у нее вот такой взгляд – это надолго.

Харпер только кивнул, пряча мокрый дождевик под мышку. На пороге он обернулся и еще раз окинул взглядом четыре стола – четыре жизни, четыре истории, четыре тайны, которые это агентство хранило молча. Пиджак на спинке стула качнулся от сквозняка, словно кто-то невидимый поправил его перед уходом.

Дверь за Харпером закрылась, и в комнате снова стало тихо. Только дождь все так же сползал по грязному стеклу, да гудели оставленные Лео в режиме ожидания мониторы.

А на втором столе, среди окурков и раскрытых справочников, лежал лист бумаги, исписанный твердым, решительным почерком. Всего два слова, которые Нора не заметила, когда проходила мимо:

«Скоро вернусь».

Машина Харпера пахла сыростью и мятной жвачкой. Нора забралась на заднее сиденье, рядом с Лео, который уже разложил на коленях планшет и подключился к двум внешним аккумуляторам – запаса энергии ему вечно не хватало. Харпер сел за руль, бросил мокрый дождевик на пассажирское сиденье и на секунду замер, глядя в зеркало заднего вида на своих пассажиров.

Он до сих пор не привык к тому, как выглядит это агентство в полевых условиях. Нора – растрепанная, в мятой худи, с темными кругами под глазами – могла сойти за трудного подростка, которого везут в вытрезвитель. Лео – с вечно сползающими очками, обмотанный проводами, как киберпанковский Дед Мороз, – за его хакера из дешевого сериала. Но Харпер знал: эта парочка видит то, что не видят его лучшие криминалисты с двадцатилетним стажем.

– Рассказывайте, – бросила Нора, прижимаясь виском к холодному стеклу. За окном поплыли серые фасады Сент-Ивера, и она смотрела на них невидящим взглядом – ее мозг уже работал на опережение, выстраивая версии, отмечая ложные следы, ища закономерности.

Харпер завел двигатель, и машина, чихнув, тронулась с места.

– Вызов поступил в шесть десять утра, – начал он, лавируя между лужами. – От охранника парка, пожилой мужчина, работает там двадцать лет. Никаких приводов, никаких жалоб. Пришел на смену, обошел территорию по графику, заглянул в оранжерею проверить, не протекает ли крыша после дождей. И нашел ее.

– Время смерти? – Нора все еще смотрела в окно.

– Эксперты предварительно говорят – между часом и тремя ночи. Точнее скажут после вскрытия, но... – Харпер запнулся. – Там странное что-то. Тело холодное, окоченение наступило, но... кожа сухая. Абсолютно. При такой влажности – это нонсенс. Будто ее просушили феном перед тем, как поставить.

Лео поднял голову от планшета и переглянулся с Норой в зеркале заднего вида.

– Феном не феном, – пробормотал он, – а вот тепловая пушка промышленная дает такой эффект. Если направить поток горячего сухого воздуха...

– ...то на коже не останется конденсата, даже если вокруг тропики, – закончила Нора. Она наконец оторвалась от окна и посмотрела прямо в затылок Харперу. – Кто вызывал экспертов?

– Дежурная группа из первого отделения. Мои ребята подъехали позже, когда я уже был в курсе.

– Значит, место уже затоптали, – констатировала Нора без особой надежды в голосе.

– Почему сразу затоптали? – обиделся Харпер. – У нас инструкции...

– Инструкции пишут для тех, кто не умеет думать, – отрезала Нора. – Ладно. Что еще?

Харпер помолчал, собираясь с мыслями.

– Женщина. На вид лет сорок – сорок пять. Дорогая одежда, шелковое платье, бренд, я такой в жизни не видел, но эксперты сказали – очень дорогое. Без обуви. Без украшений. Без документов. Лицо спокойное, глаза открыты. Патрульные, которые первыми приехали, говорят – мурашки по коже. Стоит себе среди пальм, как живая, и смотрит в одну точку.

– В какую точку? – быстро спросила Нора.

– Что?

– В какую именно точку она смотрела? Куда направлен взгляд?

Харпер задумался, нахмутив лоб.

– Этого я не знаю. В протоколе не указано.

– Запиши себе, Лео, – Нора даже не повысила голос. – Первый вопрос экспертам: направление взгляда жертвы. Зафиксировать по компасу, сфотографировать, внести в протокол. Если повезет и они еще не сдвинули тело.

Лео застучал по планшету, внося заметку.

Машина выехала на набережную. Слева тянулась серая лента реки, справа – такие же серые здания. Сент-Ивер просыпался медленно, нехотя, словно тоже страдал от хронического недосыпа. Редкие прохожие кутались в воротники, прятались под зонтиками, исчезали в подворотнях.

– Лео, – позвала Нора, не глядя на него. – Что по камерам?

– Обработываю, – отозвался тот, не отрываясь от экрана. – Четвертую камеру отключили в двадцать три сорок семь, как я и сказал. До этого она работала штатно. Пытаюсь восстановить последние кадры до отключения, но там стандартная петля – запись ведется на локальный

сервер, а с него раз в сутки сбрасывается в городской архив. Если отключение было ручным, могли и сервер прихватить.

– Могли, – согласилась Нора. – Но не факт. Если они такие умные, что отключили камеру вручную с левого IP, значит, они знают систему. А если знают систему, то знают и про локальный сервер. И про то, что его надо чистить.

– Или не надо, – возразил Лео. – Если они хотели, чтобы мы нашли запись.

Нора медленно повернула голову и посмотрела на Лео. Тот поежился под этим взглядом, но не отвел глаз.

– Развивай мысль, – сказала она тихо.

– Ну смотри, – Лео заговорил быстрее, пальцы запорхали над планшетом, вызывая схемы. – Допустим, ты хочешь совершить идеальное убийство. Ты отключаешь камеры, чтобы тебя не видели. Логично? Логично. Но если ты отключаешь их так, что сигнал приходит с левого IP, замаскированного под городскую сеть, – это уже перебор. Это уже не просто отключение. Это послание. Типа: «Я здесь, я умный, я знаю больше вас».

Нора молчала, переваривая.

– Или, – продолжил Лео, входя в раж, – они хотели, чтобы мы полезли в эту дыру. Чтобы нашли IP, начали копать, отвлеклись на ложный след, а настоящее...

– Стоп, – оборвала его Нора. – Не плоди сущности. У нас пока нет данных для таких теорий. Работай по факту: восстанови запись с локального сервера, если успеешь до того, как ее затрут городские алгоритмы. Параллельно пробей по базе пропавших без вести за последние сутки. И по базе дорогих бутиков – вдруг кто-то опознает платье.

– Уже, – кивнул Лео. – По базе пропавших пробиваю. По бутикам – сложнее, там закрытые базы данных, нужен доступ...

– Харпер даст ордер, – отрезала Нора. – Детектив?

Харпер крякнул, но кивнул.

– К концу дня будет. Если начальство подпишет.

– Начальство подпишет, когда увидит тело, – буркнула Нора и снова уставилась в окно.

Машина свернула в парк «Олд-Мид». Здесь деревья росли старые, раскидистые, с толстыми стволами, поросшими мхом. Дождь здесь чувствовался иначе – он не барабанил по крыше, а тихо шелестел в листве, создавая ощущение уединенности, почти интимности. Асфальтовая дорожка сменилась гравийной, машину затрясло на ухабах.

Впереди, за поворотом, показались красно-синие огни. Они мигали в утреннем тумане, отражаясь в мокрых листьях, создавая сюрреалистичную, почти праздничную иллюминацию вокруг места смерти.

Харпер припарковался за полицейским фургоном, заглушил двигатель. На секунду в машине стало тихо – только дождь барабанил по крыше да гудели вентиляторы Леошкиного планшета.

– Нора, – позвал Лео тихо. Она обернулась. Он протянул ей планшет. На экране застыл кадр – размытое изображение с камеры наблюдения, снятое за минуту до отключения.

На нем была видна оранжерея. Стекланный купол, мокрые листья пальм у входа. И фигура. Человек в плаще с капюшоном, стоящий спиной к камере, лицо скрыто. В руке – что-то прямоугольное, похожее на футляр. Человек смотрел на оранжерею, не двигаясь, словно ждал чего-то.

– Время, – сказала Нора.

– Двадцать три сорок шесть, – ответил Лео. – За минуту до отключения.

– Увеличь футляр.

Лео увеличил. Изображение поплыло пикселями, но очертания остались – прямоугольный кейс, примерно шестьдесят на сорок сантиметров, плоский. Такие используют фотографы для переноски профессионального оборудования.

– Фотограф, – выдохнул Харпер, заглядывая в планшет через плечо.

– Или оператор, – поправила Нора. – Или кто-то, кто хочет, чтобы мы думали, что он фотограф.

Она открыла дверь машины и шагнула под дождь. Влага моментально осела на волосах, худи начала намочать на плечах, но Нора не замечала этого. Она смотрела на оранжерею, на стекланный купол, на мигающие огни, и в ее голове уже выстраивалась новая картинка.

– Лео, – бросила она, не оборачиваясь. – Бери планшет и дуй за мной. Харпер, предупреди своих, что мы идем. И скажи экспертам – ничего не трогать до моего прихода. Если они уже сдвинули тело, я лично буду писать рапорт начальнику городской полиции о профессиональной непригодности целой смены.

Харпер кивнул и полез за рацией.

А Нора уже шагала по мокрой гравийной дорожке к оранжерее, и Лео, на ходу запаковывая планшет в защитный чехол, бежал за ней, пытаясь не отставать и одновременно отдавать команды своим программам голосом.

– Запусти распознавание по фигуре, – шептал он в микрофон на очках. – Сравни с базой городских фотографов, операторов, осветителей. И пробей футляр по каталогам профессионального оборудования. Нужна модель, год выпуска, цена, где продавалось...

Нора уже подходила к входу в оранжерею. Здесь, у дверей, стоял молодой патрульный в мокром плаще, с красными от недосыпа глазами. Он попытался преградить ей путь, но она даже не замедлила шага – просто посмотрела на него, и он отступил сам, не поняв, почему.

– Мисс, туда нельзя, место преступления...

– Я знаю, что это место преступления, – ответила Нора, проходя мимо. – Я затем и пришла.

Патрульный открыл рот, чтобы возразить, но увидел Харпера, который бежал следом и махал руками – пропусти, мол. И закрыл рот.

Нора шагнула внутрь.

Воздух оранжереи ударил в лицо влажным, спертым теплом. Запах гниющих растений, прелой листвы и – поверх всего – сладковатый, тошнотворный запах смерти, который не мог перебить даже тропический пар. Нора остановилась на пороге, давая глазам привыкнуть к полумраку после серого утра.

В центральном зале горели прожектора, установленные криминалистами. Их свет отражался в мокрых листьях, в стеклянных стенах, в лужах на каменном полу. И в этом искусственном, резком свете среди мертвых пальм стояла ОНА.

Женщина в голубом шелковом платье.

Нора медленно пошла вперед, не сводя с нее глаз. Лео замер у входа, включив запись на планшете – он знал, что сейчас важно не мешать, а фиксировать каждое движение Норы, каждую ее остановку, каждый взгляд.

Подойдя на расстояние трех метров, Нора остановилась. Она не смотрела на лицо. Она смотрела на ноги. Босые ступни, абсолютно чистые, стояли на черном влажном перегнутом. Ни грязи, ни листьев, ни следов улиток. Словно женщину поставили сюда, предварительно вытерев ей подошвы.

Нора обошла тело по кругу, не приближаясь, изучая со всех сторон. Идеальная осанка. Руки опущены, ладони расслаблены, пальцы чуть согнуты. Голова чуть повернута влево и чуть приподнята. Взгляд направлен...

Нора проследила линию взгляда. Женщина смотрела вверх и чуть вправо, туда, где под самым куполом оранжереи виднелась металлическая балка – следы старой системы полива, давно не работающей. На балке никого не было. Но мог быть.

– Лео, – позвала Нора тихо. – Сними балку. Крупно. Там, куда она смотрит.

Лео поднял планшет, навел объектив, увеличил.

– Ничего не вижу, – сказал он. – Металл, ржавчина, пара птичьих гнезд...

– Сохрани кадр, – перебила Нора. – Потом обрабатываешь.

Она подошла ближе. Теперь она стояла в полуметре от женщины, почти касаясь подола ее платья. Запах смерти стал сильнее, но Нора не морщилась. Она смотрела в лицо.

Красивое лицо. Ухоженное, даже после смерти. Макияж – вечерний, яркий, но аккуратный. Губы тронуты помадой, веки – тенями. Волосы уложены в сложную прическу, не растрепавшуюся даже в этой влажности. Ни одной выбившейся пряди.

– Ее причесывали после смерти, – сказала Нора вслух. – И красили.

Сзади подошел Харпер, услышал последнюю фразу.

– Откуда вы знаете?

– Посмотри на корни волос, – Нора указала подбородком. – Видишь темные? Краска отросла. А концы – светлые, свежие. При жизни она бы не вышла в свет с такой некрашеной головой. Значит, расчесали уже здесь. Или перед тем, как привезти.

Харпер присмотрелся и побелел. Действительно, корни волос были темнее основной массы.

– Господи, – выдохнул он.

Нора наклонилась к лицу женщины. Глаза открыты, зрачки расширены до предела, даже при ярком свете прожекторов они оставались черными дырами. Нора достала фонарик, посветила в зрачок. Никакой реакции. Мертвые глаза не реагируют на свет. Но она искала не реакцию.

Она искала отражение.

В правом зрачке, если присмотреться, виднелась крошечная точка – блик, но не от прожекторов. Слишком яркий, слишком направленный. Нора вытасила лупу, поднесла к самому глазу.

– Лео, – позвала она не оборачиваясь. – Иди сюда. Сними глаз. Макро.

Лео подскочил, навел планшет, затаил дыхание, нажал на съемку. На экране появилось увеличенное изображение – глаз, зрачок, и в зрачке – крошечное отражение.

– Это вспышка, – выдохнул Лео. – Ее сфотографировали перед смертью. Или сразу после. И вспышка отразилась в зрачке.

Нора выпрямилась. Ее лицо оставалось непроницаемым, но рука, сжимающая лупу, чуть дрогнула.

– Не после, – сказала она тихо. – Во время. Посмотри на позу, на макияж, на выражение лица. Ее не убивали и потом ставили в кадр. Ее убили в кадре. Смерть стала частью композиции.

В оранжерее повисла тишина, нарушаемая только шелестом дождя по стеклянной крыше.

Харпер сглотнул.

– Что вы несете, Нора? Какая композиция? Это убийство...

– Это съемка, – перебила Нора. – Фотосессия. Где модель – мертвая женщина. А фотограф – убийца. И он где-то здесь. Или был здесь. Или оставил нам послание.

Она опустилась на колени прямо в грязь, не обращая внимания на то, как сырая земля пропитывает джинсы. Она смотрела на то место, где босая ступня женщины касалась черного перегноя. Там, среди раздавленных улиток, прелых листьев и комьев земли, виднелся едва заметный, почти призрачный отблеск металла.

Нора начала осторожно разгребать почву пальцами в перчатках, миллиметр за миллиметром, сдувая пыль и отодвигая соринки. Харпер замер у неё за спиной, боясь дышать. Лео снимал, не отрываясь, понимая, что сейчас происходит нечто важное.

Когда Нора вытянула находку на свет, поднеся её к лучу фонаря, Харпер не выдержал и подошел ближе, нависнув над её плечом. На резиновой ладони Норы лежал крошечный предмет. Тонкий медный стержень длиной в сантиметр, с напаянной на конце микроскопической пластиной, покрытой гравировкой.

– Это что... маркировка? – выдохнул Харпер.

Нора долго молчала, разглядывая артефакт. В её голове сейчас происходило то, что она называла «сборкой пазла». Фрагменты информации, которые казались разрозненными – поза, сухая кожа во влажной среде, расширенные зрачки, блик в глазу, и вот этот стержень – начали выстраиваться в новую, пугающе четкую структуру.

Она не стала зачитывать надпись вслух, лишь большим пальцем в перчатке медленно стерла грязь с гравировки. Харпер успел прочитать: «002. ISO 100».

– Что это? – переспросил он шепотом.

Нора спрятала находку в нагрудный карман худи, застегнула его на молнию и только потом поднялась. Колени ее были мокрые и грязные, но она этого не замечала.

– Сент-Ивер сегодня очень плохо освещен, Харпер, – сказала она, глядя куда-то сквозь стеклянную стену, в серую муть утра. – Серо, контрастности ноль, тени смазаны. Не город, а сплошное «зерно». – Она перевела взгляд на детектива, и в её покрасневших глазах зажегся тот самый холодный огонь. – Но, кажется, кто-то очень хочет это исправить. Кто-то, кто мыслит категориями света, выдержки и диафрагмы.

Она встала, машинально поправляя растрепанные влажные волосы, заправляя выбившуюся прядь за ухо. Тяжесть в голове, которая была её постоянным спутником, вдруг схлынула, сменившись холодным, почти болезненным азартом. Тело требовало отдыха, но мозг, получив новую загадку, включил режим гиперпривода.

– Лео, – бросила она, направляясь к выходу. – Обработай снимок глаза. Вытащи отражение вспышки максимально четко. Нам нужно понять, где стоял фотограф. И какой у него был свет.

– Сделаю, – кивнул Лео, уже уткнувшись в планшет.

– Харпер, – Нора обернулась на пороге. – Оцепление не снимать. Никого не пускать. И найди мне список всех профессиональных фотографов в городе, у кого есть допуск в парки для съемок. Параллельно пробей эту женщину по отпечаткам и биометрии. Если она из высшего общества – должна всплыть быстро.

– А вы? – спросил Харпер.

– А я поеду в управление, – ответила Нора. – Харпер, догоняйте, как закончите здесь. И...

Она замолчала, глядя на женщину в голубом платье, застывшую среди пальм, как экспонат в музее восковых фигур.

– И скажите экспертам, пусть снимут показатели освещенности в каждой точке этого зала. Где тени, где свет, как падают блики от прожекторов. Я хочу знать, как выглядела эта сцена в момент съемки.

Она шагнула под дождь, не дожидаясь ответа.

Лео, упаковывая планшет, догнал её уже на дорожке.

– Нор, – позвал он тихо, когда они отошли достаточно далеко от оцепления. – Ты понимаешь, что это значит? Если вспышка была... значит, убийца фотографировал. У него есть снимок. Может быть, не один.

– Понимаю, – кивнула Нора, не сбавляя шага. – И это плохая новость.

– Почему плохая?

– Потому что фотографы, Лео, – она остановилась и посмотрела на него в упор, – они не останавливаются на одном кадре.

Лео сглотнул.

– Думаешь, будет продолжение?

– Я не думаю, – Нора отвернулась и пошла дальше к машине. – Я знаю. Этот стержень с гравировкой – первый. Значит, будут другие. Нам нужно найти его раньше, чем он сделает следующий снимок.

Дождь усилился, заливая стекла машины, скрывая очертания парка, оранжереи, деревьев. Сент-Ивер снова стал серым, размытым, нерезким.

Но в голове Норы картинка становилась все четче с каждой секундой.

Глава 2: Проявка

Сент-Ивер продолжал плеваться мелкой, ледяной моросью.

Нора стояла у бетонного парапета перед входом в управление, вжав голову в плечи. Капюшон безразмерной худи был наброшен на голову, скрывая светлые волосы, которые от сырости окончательно превратились в непослушное облако. В правой руке она сжимала тонкий пластиковый стик одноразки. Короткая затычка – и над её лицом на секунду повисло облако пара с приторным, совершенно неуместным запахом черничного чизкейка.

– Сладкая смерть в сером аду, – пробормотала она, глядя на то, как пар растворяется в грязном тумане.

Где-то слева, за бетонными блоками, огораживающими парковку для служебных машин, урчал генератор. Его монотонный гул смешивался с шумом дождя и далекими сиренами – Сент-Ивер никогда не спал по-настоящему, он только проваливался в тяжелую дрему, полную кошмаров. Где-то на окраинах сейчас просыпались люди, пили дешевый кофе, одевали детей в школы и понятия не имели, что в их городе ходит человек с камерой, для которого смерть – просто часть композиции.

Входные двери управления – массивные, обитые железом монстры, помнящие, наверное, еще забастовки докиберпанковской эпохи – хлопали каждые тридцать секунд, выплевывая и поглощая людей в одинаковых костюмах с одинаково пустыми лицами. Нора знала, что за этими дверями её ждет «совет старейшин». Так она называла про себя этот ритуал унижения, который повторялся каждый раз, когда дело выходило за рамки рядовой бытовухи. Коллективный разум из пяти-шести дебилов высшего ранга, чьим единственным достижением за последние тридцать лет было умение не проливать кофе на рапорты.

Идти туда не хотелось до физической тошноты.

«Сейчас они рассядутся по кругу, будут протирать очки и по очереди задавать вопросы, на которые у меня уже есть ответы, но которые они не поймут, даже если я нарисую их фло-мастером у них на лбах», – подумала она, делая еще одну затычку. Сладкий дым зашипел в горле, но она не кашлянула – привыкла. Тело давно перестало подавать сигналы, на которые стоило обращать внимание.

Её раздражало в них всё: их медлительность, их вера в «старую школу», их привычка называть её «милочкой» в те моменты, когда им не хватало аргументов. Они видели в ней девочку, которая переиграла в компьютерные игры и теперь пытается учить их работе с живыми людьми и настоящими трупами. Она видела в них тормозной путь прогресса, живые ископаемые, чьи методы расследования устарели раньше, чем они успели дослужиться до своих кресел.

Харпер, который всё это время топтался в паре метров, нервно поглядывая на часы и переминаясь с ноги на ногу, наконец решился подойти. Его ботинки хлопали по мокрому асфальту, и этот звук раздражал Нору даже больше, чем гул генератора.

– Мисс, нас ждут, – сказал он, поправляя мокрый воротник плаща. – Комиссар уже в конференц-зале. И там... там люди из отдела по борьбе с организованной преступностью. Они считают, что это разборки картелей.

Нора медленно выдохнула черничный пар прямо в лицо Харперу. Тот даже не поморщился – привык. За полгода их странного сотрудничества он привык к вещам и похуже.

– Картели, Харпер? Seriously? – она наконец посмотрела на него, и в её глазах, обрамленных тенями, вспыхнула искра едкого веселья. – Конечно. Ведь мексиканские наркобароны славятся своей любовью к бальзамированию женщин в шелковых платьях и установке имплантатов в роговицу. Это же классика их почерка – перед тем как пытать врага, они сначала заставляют его закончить курсы по профессиональному освещению и макросъемке.

Харпер замялся, поправляя галстук, который сидел на нем криво и явно был завязан второпях, возможно, прямо в машине по дороге.

– Я просто передаю то, что слышал в коридоре. Мне показалось, вы должны знать.

– В коридорах этого здания можно услышать только эхо умирающих нейронов, – Нора спрятала одноразку в карман худи, где уже покоилась медная пластинка с гравировкой. – Идемте. Чем раньше мы закончим этот цирк, тем быстрее я смогу вернуться в кабинет и попытаться не сдохнуть от скуки.

--

Внутри управление встретило их запахом хлорки и дешевого освежителя воздуха «Хвойный лес», который в Сент-Ивере всегда пах не как лес, а как попытка скрыть запах разложения. В холле было пусто, только охранник на входе лениво листал новостную ленту на планшете да пара уборщиц натирала пол мастикой, от которой глаза слезились даже у Норы, привыкшей к химическим запахам старого здания. Где-то в глубине коридора надрывался телефон – никто не брал трубку, и он звонил уже, кажется, минут десять, въедаясь в мозг своей монотонной трелью.

Лифт ехал на пятый этаж вечность. Нора смотрела на свое отражение в затертой металлической панели: бледная, растрепанная, в одежде, которая была велика ей на два размера. Гений в упаковке от прогульщицы. Темные круги под глазами стали еще заметнее, губы потрескались от постоянного недосыпа и кофеина. Она отвела взгляд – не потому, что ей было стыдно, а потому что видеть себя в таком состоянии было просто скучно.

Лифт дернулся, двери открылись.

Пятый этаж пах иначе – здесь пахло бумагой, старой кожей кресел и дорогим табаком, который курил только комиссар Уайт, демонстративно игнорируя запрет на курение в здании. Коридор уходил вглубь, освещенный тусклыми лампами, половина из которых мигала, создавая эффект стробоскопа. Нора ненавидела этот коридор. Каждый раз, проходя его, она чувствовала себя приговоренной, которую ведут на казнь через скуку.

– Идемте, – бросила она Харперу и зашагала вперед, не оглядываясь.

--

Тем временем в агентстве.

Лео сидел за своим столом, заваленным справочниками по оптике, и смотрел на три монитора одновременно. На левом – база данных пропавших без вести за последние три года. На центральном – увеличенное изображение отражения в зрачке жертвы, которое он вытаскивал уже два часа, слой за слоем, применяя фильтры, усиливая контрастность, убирая шумы. На правом – чат с сетью информаторов, где периодически всплывали сообщения, но пока ничего полезного.

Пальцы летали по клавиатуре с такой скоростью, что клавиши едва успевали отщелкивать назад. Лео не спал уже почти сутки, но адреналин гнал кровь быстрее кофеина. Он нащупал что-то важное. Он чувствовал это нутром, тем особым чутьем, которое появляется только после сотен часов, проведенных в архивах и базах данных.

На втором мониторе крутилась программа распознавания лиц – он прогнал через неё все фото с места преступления, пытаясь найти хоть одного свидетеля, хоть одного прохожего, который мог видеть убийцу. Пока безрезультатно – камеры вокруг оранжереи были отключены слишком вовремя.

– Давай, давай, – шептал он, прогоняя очередной алгоритм по базе профессиональных фотографов, имеющих допуск к съемкам в городских парках. – Где же ты, сукин сын...

На экране побежали строки. Лео замер, проглотил застрявший во рту бутерброд и подался вперед, почти касаясь носом монитора.

Сорок семь фамилий. Сорок семь фотографов с официальным допуском. Лео начал прогонять их через фильтр – кто заказывал нестандартное оборудование за последние два года. База таможи, к которой он имел нелегальный доступ через старые знакомые хакерские форумы, выдала результаты медленно, но верно.

Четыре фамилии.

Лео открыл их все в отдельных окнах и начал копать глубже. Соцсети, форумы, старые посты, упоминания в прессе. Трое были чисты – свадебные фотографии, детские утренники, корпоративы. А четвертый...

Четвертый заставил Лео замереть и перестать дышать.

Он забил в поиск «Милдхейвен кинотеатр смерть женщина». Через три минуты он нашел.

Заметка в местной газете двухлетней давности, маленькая, на задворках криминальной хроники: в обнаружено тело женщины. Предположительная причина смерти – сердечный приступ. Полиция не видит криминального следа».

Лео открыл фото с места происшествия – низкое качество, газетная верстка. Но даже сквозь пиксели он увидел. Поза. Она сидит в кресле кинотеатра. Руки на коленях, голова чуть повернута, взгляд на экран. Будто живая. И темное пятно на полу у ноги – то ли камень, то ли...

Он увеличил, прогнал через фильтры, усилил резкость. Металлический блеск. И цифры. Размытые, почти нечитаемые, но он разобрал – «001».

– Мать твою, – выдохнул Лео.

Пальцы сами потянулись к телефону. Он набрал Нору, но сбросил – она на совещании, нельзя. Тогда он схватил телефон и застучал по экрану, вбивая сообщение с такой скоростью, что пальцы начали сводить судорогой.

--

Конференц-зал управления

Когда Нора и Харпер вошли в зал заседаний, там уже стоял гул. Пятеро мужчин в возрасте «пора на пенсию еще вчера» сидели вокруг длинного стола из полированного дерева. Уайт во главе – полноватый, с аккуратными седыми усиками и неизменным платком в нагрудном кармане пиджака. Рядом с ним – Моррисон из отдела по борьбе с организованной преступностью, сухой, жилистый тип с вечно поджатыми губами, который смотрел на Нору так, будто она была пятном на его идеально чистом столе. Еще трое – лица без имен, функции «быть фоном и кивать».

Но был и шестой.

Нора узнала его сразу. Капитан Блэквуд из внутренней безопасности – местный цербер, который терпеть не мог «посторонних» в полицейских делах. Высокий, лысоватый, с тяжелым взглядом исподлобья и квадратной челюстью, которая, казалось, была создана специально для того, чтобы перемалывать кости провинившихся. Он сидел в углу, скрестив руки на груди, и смотрел на Нору так, будто она уже была виновата во всех грехах города, включая прошлогодний потоп и недавний скачок цен на хлеб.

В центре стола на огромном мониторе застыл снимок из оранжереи. Голубое платье. Мертвый взгляд. Пальмы на заднем плане, подсвеченные прожекторами так, что создавали эффект театральной сцены.

– О, а вот и наша... консультант, – произнес Уайт, и его голос сочился фальшивой приветливостью. Он улыбнулся так, будто увидел забавного зверька в зоопарке – вроде мило, но лучше через стекло. – Мы как раз обсуждали теорию ритуального убийства, мисс.

Нора не села. Она остановилась у самого входа, засунув руки в карманы худи и чуть ссутулившись. Она знала, как выглядит со стороны – подросток, которого забыли забрать из школы. И это было её преимуществом.

– Ритуального? – переспросила она, и в её голосе зазвучал металл, который заставил Уайта осесть. – И в каком же культе принято использовать выдержку «одна шестидесятая» и ISO сто? Культ свидетелей святого Николая и его объектива?

В зале повисла тишина. Старики переглянулись.

– Мисс, – подал голос Блэквуд из угла. Голос у него был низкий, скрежещущий, как несмазанные петли на двери старого склада. – Мы тут пытаемся работать серьезно. Расследуем убийство. Если у вас есть что сказать по делу – говорите. Если нет – не отнимайте время у людей, которые заняты настоящей работой.

Нора медленно перевела на него взгляд. В её глазах не промелькнуло ни тени эмоций – только усталость и легкое любопытство, как у биолога, рассматривающего новый, не слишком интересный вид насекомого.

– О, – сказала она ровно, без тени удивления. – Капитан Блэквуд. Какая честь. Я думала, вас перевели в архив год назад. Или вы там не прижились? Слишком мало бумажек? Слишком тихо?

Блэквуд побагровел так, что даже лысина приобрела розоватый оттенок.

– Следи за языком, девочка. Я тут двадцать пять лет прослужил, пока ты в пеленки писала. Я таких умников знаешь сколько перевидал? Все в частные детективы подались, когда их поперли со службы за профнепригодность.

– Девочка? – Нора даже не повысила голоса. Она говорила все так же ровно, скучающе, будто обсуждала погоду. – Капитан, мне двадцать три. Я не девочка. И пока вы тут учили меня следить за языком и вспоминали свои двадцать пять лет выслуги, в городе появился труп с пластинкой в земле. Хотите посмотреть?

Она достала из кармана медную пластинку и с негромким, но отчетливым стуком положила её на полированную поверхность стола. Пластинка блеснула под светом ламп, и все пятеро уставились на неё, как кролики на удава.

– Это «002», – сказала Нора, отчеканивая каждую цифру. – Второй кадр.

Блэквуд встал, подошел к столу, взял пластинку, повертел в пальцах, поднес к глазам, потом отодвинул, будто она могла его укусить.

– И что? – усмехнулся он. – Какая-то железяка. Мало ли мусора валяется под ногами? Может, это просто деталь от старой камеры. Или брелок. Или вообще черт знает что. Вы, молодые, вечно ищите тайные знаки там, где их нет.

– Мусор, – повторила Нора. Она зевнула – коротко, прикрыв рот ладонью, совершенно искренне. – Капитан, вы когда-нибудь снимали на профессиональную камеру? Хотя бы в руки держали что-то сложнее мыльницы?

– Не вижу связи.

– Я вижу. ISO 100 – это минимальная чувствительность матрицы. Используется при идеальном освещении, в студии, когда нужно максимальное качество, минимальное зерно. Наш убийца – фотограф. Он делает студийные портреты на натуре, с выносным светом, с подсветкой. И он нумерует свои работы. Это второй. Понимаете? Второй. До него был первый. И, возможно, будет третий.

Моррисон вмешался, пытаясь вернуть разговор в конструктивное русло:

– У нас есть оперативная информация о новых группах, которые активизировались в городе. Они используют нестандартные методы устрашения, возможно, это часть какого-то ритуала...

– Да плевать я хотела на вашу оперативную информацию, – отрезала Нора. Голос её стал тише, но от этого только страшнее. – У вас труп женщины без следов насилия, без следов борьбы, без следов сексуального насилия, без отпечатков, без свидетелей. С идеальной позой, идеальным макияжем и взглядом, устремленным прямо в объектив несуществующей камеры. А вы несете мне про картели и ритуалы.

Блэквуд усмехнулся, скрестил руки на груди и откинулся на спинку стула.

– Ты думаешь, мы поверим, что какая-то девчонка в мятой кофте, разбирается в этом лучше, чем целый отдел с экспертами и криминалистами?

Нора посмотрела на него долгим, скучающим взглядом. В этом взгляде не было злости, не было раздражения – только бездна усталости и легкое удивление, что такие люди до сих пор занимают свои кресла.

– Капитан, – сказала она устало, поправляя сползший с плеча капюшон, – мне вообще плевать, во что вы верите. Вы можете верить в инопланетян, в масонов, в рептилоидов, в теорию плоской Земли и в то, что Солнце вращается вокруг вас лично – это ваша личная драма, ваше право. Я здесь не для того, чтобы вас переубедить.

Она обвела взглядом застывших мужчин – Уайта, Моррисона, троих безымянных, Блэквуда. Никто не шевелился.

– Думайте что хотите, господа. Ищите картели, ритуалы, происки ЦРУ, масонские заговоры – мне без разницы. Трупы у вас всё равно будут. Они будут появляться с той периодичностью, которую выберет фотограф. Может, завтра. Может, через неделю. Может, через месяц. Я не знаю его ритма. Но он будет снимать дальше, потому что такие, как он, не останавливаются. Это не просто убийства. Это его искусство. Его жизнь. Его смысл.

Она помолчала, давая словам осесть в тишине зала.

– А без меня вам их не разгадать. Потому что вы даже не понимаете, куда смотреть. Вы будете искать отпечатки там, где их нет, мотивы там, где их не существует, и свидетелей, которых не существует в природе. А он будет смеяться над вами и готовить следующий кадр.

Пауза повисла в воздухе, густая, как сироп, тяжелая, как свинец.

– Но вы же не любите признавать, что двадцатитрехлетняя девчонка в мятой худи, которая спит на диване и жрет энергетики, видит дальше, чем весь ваш отдел с его тридцатилетним опытом и коллекцией дипломов на стенах. Я понимаю. Это – штука хрупкая. Особенно когда оно полируется годами начальственных кресел.

Она зевнула – снова коротко, прикрыв рот ладонью, совершенно искренне, без капли притворства.

– Так что давайте без иллюзий. Вы даете мне доступ к базам – я работаю. Не даете – я ухожу спать, потому что я реально хочу спать, у меня глаза слипаются, а вы через неделю вызываете меня снова, когда найдете третий труп и окончательно запутаетесь в своих версиях. Мне несложно, я выплусь, кофе попью, может, даже поем чего-нибудь горячего впервые за двое суток.

Она развернулась и сделала шаг к двери, даже не ожидая ответа.

– Стоять, – рявкнул Блэквуд.

Нора остановилась, но не обернулась. Только плечо чуть дернулось – то ли усмешка, то ли усталость.

– Ты думаешь, ты самая умная? – голос капитана сочился ядом, въедался в спину, пытался прожечь дыру в худи. – Думаешь, без тебя не разберемся? Думаешь, мы тут все идиоты, а ты одна гений?

– Капитан, – ответила Нора, глядя в дверной косяк с легкой патиной времени, – я не думаю, что я самая умная. Я просто знаю, что вы – самые тупые. И это не оскорбление, это не субъективное мнение, это медицинский факт, подтвержденный статистикой нераскрытых дел в вашем отделе за последние пять лет.

Она медленно повернулась, встретилась с ним взглядом.

– Вы работаете методами двадцатилетней давности. Вы игнорируете новые технологии. Вы не умеете читать следы, которые оставляет современный убийца – цифровые следы, оптические, химические, поведенческие. Вы мыслите категориями «ограбление», «ревность», «разборки». А мир ушел вперед. И пока вы будете мерить всё старыми лекалами, он будет снимать Кадр за кадром.

Она обвела взглядом зал.

– Сколько у вас нераскрытых убийств за последние два года, капитан? Сорок? Пятьдесят? А сколько из них могли быть связаны между собой? Вы даже не проверяли. У вас нет системы. У вас нет аналитики. У вас есть только старые папки и уверенность, что если вы чего-то не видите, значит, этого не существует.

Блэквуд открыл рот, чтобы рявкнуть что-то еще, но Моррисон его опередил. Он встал, подошел к окну, постоял там секунду, глядя на серый город, и сказал жестко, без тени сомнения:

– Хватит. Блэквуд, сядьте и заткнитесь.

Капитан замер, сверля Нору взглядом, полным ненависти, но сел. Сел и скрестил руки на груди, как нашкодивший школьник, которого поставили в угол.

Моррисон медленно повернулся к Норе. Посмотрел на неё долгим, изучающим взглядом – не враждебным, не насмешливым, а каким-то новым, будто видел её впервые.

– Бумаги будут через час, – сказал он. – Доступ ко всем базам, какие запросите. Люди из наружки в вашем распоряжении. Координация через Харпера. Работайте.

Нора чуть повела плечом – не кивок, так, полужест, обозначающий, что она услышала.

– Угу.

И вышла, не добавив ни слова.

--

В коридоре Нора выдохнула так, будто все это время не дышала. Прислонилась спиной к холодной стене, покрытой дешевой краской, и закрыла глаза. В голове гудело – то ли от недосыпа, то ли от адреналина, то ли от всего сразу.

– Ненавижу это место, – прошептала она одними губами.

Харпер стоял рядом, боясь пошевелиться. Он видел, как дрожат её пальцы, спрятанные в карманах худи, как пульсирует жилка на виске. Он знал, что каждая такая встреча выжимает из неё остатки сил, которые и так на исходе.

– Мисс, – начал он осторожно, – может, кофе? Или поесть чего-нибудь? Я знаю тут рядом...

– Потом, – оборвала Нора, не открывая глаз.

В кармане завибрировал телефон. Три вибрации подряд – сообщение. Нора достала, глянула на экран.

И замерла.

– Харпер, – сказала она тихо, и в этом тихом голосе вдруг исчезла вся усталость. – У нас есть имя.

Харпер подался ближе.

– Эдриан Хемсфорт. Фотограф. Сорок два года. Два года назад работал в Милдхейвене. Оттуда уехал сразу после того, как там нашли мертвую женщину в кино. Дело закрыли – сердечный приступ. Но Лео нашел фото с места. Там пластинка. «001».

Харпер побелел так, что даже губы потеряли цвет.

– То есть... он уже убивал? Два года назад?

– Он уже снимал, – поправила Нора, открывая глаза и глядя куда-то в конец коридора, где мигали тусклые лампы. – Два года назад был первый кадр. Потом, видимо, перерыв. Или мы просто не нашли другие. А сейчас – второй. Вопрос только в том, сколько их было между.

Она оттолкнулась от стены, сунула телефон в карман.

– Лео пишет, что Хемсфорт заказывал кольцевую вспышку ручной работы у мастера в старом городе полгода назад. Значит, готовился. Выбирал оборудование. Планировал.

– И мы можем выйти на него через мастера? – спросил Харпер с надеждой.

– Можем, – кивнула Нора и зашагала к лифту. – Если мастер захочет говорить. Если он вообще помнит заказчика. Если Хемсфорт не подстраховался и не пришел в маске. Много если, Харпер. Но это первый след за два года.

Лифт открылся, принимая их в свою тусклую кабину с затертыми кнопками и запахом застоявшегося табака.

– Адрес мастера у тебя? – спросила Нора, когда двери закрылись.

– Лео скинул, – Харпер уже тыкал в навигатор. – Старый город, район доков, улица Керк-роуд. Там мастерские, склады, художественные галереи.

– Художественные, – повторила Нора задумчиво. – Интересно, наш фотограф там только оборудование заказывал или тусовался тоже?

– Думаете, он мог быть частью какой-то тусовки?

– Не знаю, Харпер. Но художники любят тусоваться с художниками. Обсуждать свет, композицию, технику. Возможно, кто-то его знает. Возможно, кто-то даже видел его работы.

Лифт мягко стукнул, выпуская их на первом этаже.

В холле было все так же пусто и пахло хлоркой. Охранник поднял голову, проводил их взглядом и снова уткнулся в планшет. Уборщицы уже ушли – пол блестел влажной мастикой, отражая тусклый свет ламп.

Они вышли под дождь.

Сент-Ивер встретил их все той же мелкой, ледяной моросью, которая, казалось, не прекращалась здесь никогда. Нора подняла капюшон, вжала голову в плечи и зашагала к машине.

В кармане лежала пластинка с номером два. В голове крутились обрывки информации, складываясь в смутную, пока еще нечеткую картину. Где-то в этом городе жил человек, который два года назад сделал первый кадр. И если он придерживается своей нумерации, третий кадр – только вопрос времени.

Нора чувствовала его присутствие почти физически – как запах озона перед грозой, как вибрацию в воздухе перед землетрясением.

Он был рядом. Он дышал с ней одним воздухом.

И он только начинал.

Глава 3: Экспозиция

Машина Харпера медленно пробиралась сквозь промзону. Район доков Сент-Ивера выглядел так, будто город пытался здесь что-то спрятать и забыл, что именно. Ржавые скелеты портовых кранов застыли над серой водой, напоминая доисторических чудовищ, которые умерли прямо стоя, не успев лечь. Чайки сидели на их верхушках неподвижными изваяниями, и только ветер шевелил перья – редкие, грязные, с обломанными кончиками. Где-то вдалеке утробно гудел туманный горн, хотя тумана не было – просто город подавал голос, будто больной зверь, которому снятся кошмары.

Низкие кирпичные склады на Керк-роуд смыкались над узкой мостовой, воруя остатки дневного света. Стены здесь были покрыты граффити – старыми, выцветшими, поверх которых кто-то рисовал новые, а поверх тех – еще новые, так что последние слои превращались в многослойный пирог из чужой боли, злости и отчаяния. Фонари не горели – то ли сэкономили, то ли просто забыли, что этот район вообще существует. В лужах плавал мусор, который никто не убирал годами, и редкие прохожие – если они тут вообще бывали – обходили лужи по кривым траекториям, вжимая головы в плечи.

Нора сидела на заднем сиденье, закрыв глаза. Её пальцы методично перебирали в кармане медную пластинку «002». Она делала это неосознанно – когда мозг работал на пределе, тело требовало хоть какого-то ритмичного движения, чтобы не провалиться в сон. Большим пальцем она водила по гравировке, читая цифры на ощупь, как слепой читает книгу. ISO 100. Второй кадр. А где-то там, в темноте, ждал своего часа третий.

– Адрес через два квартала, – подал голос Харпер, вглядываясь в навигатор, который упорно пытался перестроить маршрут по несуществующим улицам. Экран то и дело мигал красным, предлагая «альтернативные пути», которых в реальности не существовало. – Мисс, вы уверены, что этот Вейн... ну, что он вообще захочет говорить? Такие мастера, они обычно закрытые, не любят полицию... Да и вообще чужих.

– Он захочет, – ответила Нора, не открывая глаз. Голос её звучал ровно, но в нем чувствовалась та особенная усталость, когда слова приходится вытаскивать из себя силой. – Когда я скажу ему, что его оборудование использовали для убийства, он захочет. Мастера – они как художники. Им важно, что выходит из-под их рук. Они вкладывают душу в каждую деталь. А тут такое... узнать, что твоя работа стала инструментом смерти. Это бьет сильнее любого вопроса.

Харпер хмыкнул, но спорить не стал. Он уже привык, что Нора видит людей насквозь – не потому что читает мысли, а потому что понимает мотивы. Каждого. Даже тех, кого никогда не встречала.

В этот момент телефон Харпера, лежащий на приборной панели, ожил громкой трелью. Вибрация отдавала в пластик, создавая дребезжащий звук, от которого Нора поморщилась – звук резанул по ушам, как нож по стеклу. На экране высветилось: «Морг. Доктор Эймс».

– Это по нашей жертве, – Харпер глянул на Нору в зеркало заднего вида, будто спрашивая разрешения, и нажал на громкую связь. – Да, Эймс, я слушаю.

– Детектив? – голос женщины-патологоанатома звучал удивленно и растерянно. Такой тон Харпер слышал у неё только однажды – когда вскрытие жертвы пожара показало, что человек сторел заживо, а не погиб до возгорания. Тогда Эймс не спала трое суток, перепроверяя результаты. – Я только начала первичный осмотр, но здесь... здесь чертовщина какая-то. Я такого за пятнадцать лет не видела. Слушайте, я пока не могу установить причину смерти, но...

– Причина смерти – острая сердечная недостаточность на фоне введения миорелаксантов короткого действия, – не открывая глаз, ровным голосом произнесла Нора с заднего сиденья.

В трубке повисла мертвая тишина. Харпер чуть не выкрутил руль в сторону, бросив на Нору ошарашенный взгляд через зеркало. Машина вильнула, зацепила колесом лужу, и грязная вода веером разлетелась по пустой мостовой, окатив ржавые контейнеры у обочины.

– Кто это сказал? – голос доктора Эймс стал колючим, профессиональная гордость вступила в схватку с растерянностью. – Откуда вы... подождите. Я как раз хотела сказать про полное отсутствие трупных пятен на спине и задней части бедер. Вы что, уже получили мои предварительные записи? У меня утечка?

– Потому что её не транспортировали лежа, – Нора открыла глаза и подалась вперед, к телефону. Голос её звучал устало, но четко, как зачитанная вслух инструкция. – Эймс, посмотрите на слизистую рта. Там должен быть едва заметный налет синеватого оттенка. Фотограф использовал газообразный стабилизатор, чтобы зафиксировать мимику до того, как ткани начнут опадать. И проверьте глазное дно. Вы найдете там микро-проколы в районе зрительного нерва.

– Микро-проколы... – послышался шорох инструментов на том конце, звон металла, приглушенное ругательство, когда Эймс уронила пинцет. – Есть. Боже мой, их почти не видно под линзой. Я чуть не пропустила. Но зачем? Зачем прокалывать глазное дно у мертвого человека? Это же...

– Чтобы расширить зрачок принудительно и зафиксировать его в таком состоянии, – Нора снова откинулась на спинку сиденья, потеряв интерес к разговору. Она смотрела в потолок машины, где к обшивке прилиплодохлое насекомое. – Свет прожекторов в оранжеее был слишком ярким. Живой зрачок сузился бы в точку, и кадр потерял бы всю глубину, весь смысл. Ему нужны были «черные дыры». Бездонные глаза, в которых тонет свет. Он их сделал. Химия плюс механика. И ни одной случайности.

Пауза. В трубке слышалось только тяжелое дыхание Эймс.

– И еще, – добавила Нора, не меняя тона. – В желудке будет пусто, но в пищеводе вы найдете следы дистиллированной воды. Он поил её перед самым концом. Не заставлял пить, а именно поил – маленькими глотками, смачивая губы. Чтобы губы блестели естественно, без использования глицерина и помады. Чтобы в кадре был эффект живой, влажной плоти. Он перфекционист, Эймс. Маньяк-перфекционист. Он не терпит фальши. Даже в мелочах.

Харпер немедленно затормозил у обочины, хотя до нужного адреса оставалось еще метров сто. Он просто не мог вести машину. Руки дрожали на руле. Он смотрел на Нору в зеркало заднего вида так, будто она сама только что призналась в убийстве.

– Откуда... – начал он, сглатывая ком в горле. Голос сорвался, пришлось прокашляться. – Откуда вы это знаете? Вы же даже тело не трогали. Вы просто... посмотрели на неё. Стояли в трех метрах.

– Вы видите тело, Харпер, – Нора перевела взгляд с дохлой мухи на его отражение в зеркале. – А я вижу техническое задание. Чтобы получить такой снимок при таком освещении и при такой выдержке, модель должна быть неподвижна как каменное изваяние, но при этом выглядеть абсолютно живой. Это физика, химия и анатомия, детектив. Никакой магии. Только очень много жестокости, возведенной в степень искусства. И очень много знаний. Тот, кто это сделал, не просто убийца. Он – профессионал. В своей области.

Она толкнула дверь машины и вышла в промозглую сырость Керк-роуд. Воздух здесь пах иначе, чем в центре – солью, ржавчиной, дешевой рыбой и чем-то еще, химическим, сладковато-едким, что производили склады поглубже в промзоне. Нора глубоко вдохнула, пытаясь привести мысли в порядок. Дождь тут же начал оседать на волосах, на плечах, на ресницах.

– Эймс! – крикнул Харпер в трубку, пытаясь одновременно заглушить двигатель и вытащить ключи из замка зажигания. – То, что она сказала про воду и проколы... это правда? Вы подтверждаете?

– Я... я только что подтвердила воду, – голос патологоанатома дрожал, в нем слышалось что-то похожее на шок. – Следы дистиллированной воды в пищеводе. Но, Харпер, откуда ваша помощница узнала про миорелаксанты? Я еще даже кровь на токсикологию не отправила! Это невозможно!

– Она не помощница, Эймс, – выдохнул Харпер, глядя на удаляющуюся фигуру Норы, которая уже стояла у двери мастерской. – Она – «Темная сторона». Просто... просто пришлите отчет, когда будет готово. И, Эймс... спасибо.

Он бросил телефон на сиденье и выскочил под дождь, на ходу застегивая плащ. Ботинки тут же промокли – лужи здесь были глубиной с небольшие озера.

Нора уже стояла у тяжелой стальной двери, на которой мелом было выведено: «Мастерская Э. Вейн. Оптика». Буквы расплылись от влаги, но читались четко – старик явно обновлял надпись регулярно, может, раз в неделю. Дверь была старой, промышленной, с массивными петлями, покрытыми слоем ржавчины, и глазком на уровне лица – маленьким, почти незаметным, но Нора знала, что сейчас за этим глазком кто-то стоит и рассматривает их.

Она слегка коснулась пальцем наушника, делая вид, что поправляет капюшон. Лео был там, на связи. Его дыхание в ухе было ровным, но Нора знала – он сейчас тоже на пределе.

– Нор, – голос Лео в ухе был чистым, несмотря на помехи доков и расстояние. – Я зашел в систему камер этого здания. Там три камеры – одна на входе, две во дворе. Вейн сейчас внутри. Один. Сидит на месте уже час. Движений почти нет – только иногда подходит к станку.

– Что по записям? – одними губами спросила Нора, глядя на дверь.

– Прогнал архивы за последние полгода. Полгода назад, 14 октября, в 16:23, мужчина забирал заказ. Высокий, худой, в темной куртке. Лица не видно – камера сняла только со спины и вполоборота, он специально держался так, чтобы не попасть в объектив. Но факт зафиксирован. Я скинул видео тебе на телефон. И еще, Нор... я прогнал походку по базе. Ноль совпадений. Либо он не в базах, либо ходит так, что не опознать.

– Поняла, – одними губами ответила Нора и нажала кнопку звонка.

Где-то внутри раздался дребезжащий звук, похожий на крик больной птицы – старый, механический, с металлическим привкусом. Звук разнесся по пустой улице и затих, съеденный сыростью.

Прошло десять секунд. Двадцать. Тридцать.

– Он не откроет, – прошептал подбежавший Харпер, тяжело дыша после пробежки. Плащ его промок насквозь, с волос стекала вода.

– Откроет, – Нора нажала снова, не оборачиваясь. – Мистер Вейн, я знаю, что вы там. Я не полиция. Я частный детектив. И мне нужно поговорить с вами о заказе, который вы выполняли полгода назад. Светодиодное кольцо. Нестандартная цветовая температура. Ручная работа.

За дверью что-то грохнуло. Будто упал стул. Или инструмент. Или человек от неожиданности.

– Ничего не знаю, – раздался глухой, надтреснутый голос из динамика домофона. Голос старого человека, который привык говорить тихо, но сейчас сорвался на крик. – Никаких заказов. Уходите. Я вызываю полицию.

– Я и есть та, кого вы вызовете, – ровно сказала Нора. – Эту вспышку использовали прошлой ночью, чтобы убить женщину. Вторую за два года. Я не собираюсь вас арестовывать. Мне нужно имя человека, который её забрал. Или хотя бы его лицо. Вы единственный, кто может помочь.

Тишина. Долгая, тягучая, как патока.

Потом щелчок замка.

Дверь приоткрылась на цепочку. В щели показался глаз – серый, уставший, с сеткой лопнувших сосудов вокруг зрачка. Глаз изучал Нору долго, придирчиво, потом перевелся на Харпера, задержался на его плаще, на лице, на мокрых ботинках.

– Доказательства, – прохрипел голос. – Докажите, что вы та, за кого себя выдаете.

Нора достала из кармана удостоверение частного детектива и прижала к глазку. Потом достала пластинку «002» и прижала рядом.

– Вот доказательство. Это нашли под телом. Таких в природе больше нет.

Глаз смотрел долго. Очень долго. Потом моргнул – и исчез.

Цепочка звякнула. Дверь открылась.

На пороге стоял высокий худой старик с длинными седыми волосами, собранными в хвост. Ему было за шестьдесят, может, под семьдесят, но спина оставалась прямой – годы работы за станком выковали осанку, которую не согнуть возрастом. Его пальцы, унизанные старыми шрамами от порезов и ожогов, сжимали дверной косяк так, будто он боялся упасть.

– Заходите, – сказал Элиас Вейн. Голос его дрожал, но в глазах горело что-то похожее на решимость. – И говорите тихо. У меня тут... работа тонкая. Вибрации, понимаете.

Он провел их в мастерскую. Нора огляделась – и на секунду забыла, зачем пришла.

Это был храм. Настоящий храм оптики.

Стеллажи до потолка, заставленные коробками с линзами, призмами, объективами – новыми и старыми, советскими еще, немецкими, японскими. Станки – токарные, шлифовальные, полировальные – стояли вдоль стен, как стражи, выстроенные в идеальный строй. В центре – огромный стол, заваленный чертежами, расчетами, наполовину собранными конструкциями. И везде – идеальный порядок. Каждая деталь на своем месте. Каждая линза протерта до блеска.

В углу тихо гудел полировальный станок – ритмично, убаюкивающе. Пахло металлом и оптическим клеем – резковато, но не противно. На стенах висели фотографии – старые, черно-белые, цветные – люди с инструментами, люди с наградами, люди просто так.

Вейн сел на высокий табурет, не предлагая садиться гостям. Нора и не собиралась – она стояла, рассматривая мастерскую, впитывая атмосферу.

– Я слушаю, – сказал Вейн, теребя край засаленного свитера. – Только быстро. У меня заказ.

– Полгода назад, – начала Нора, поворачиваясь к нему. – Вы делали заказ. Светодиодное кольцо, ручная работа, нестандартная цветовая температура, с возможностью регулировки спектра. Кто его заказал?

Вейн долго молчал. Смотрел в пол, потом на свои руки, потом куда-то в стену.

– Не знаю имени, – сказал он наконец. – Он не представлялся. Просто пришел, сказал, что нужно, заплатил наличными, забрал готовое.

– Опишите его.

Вейн пожал плечами. Жест получился усталым, почти обреченным.

– Обычный. Лет сорок, наверное. Рост чуть выше среднего. Худошавый. Волосы темные, короткие, зачесаны назад. Одет обычно – куртка, джинсы, ботинки. Ничего примечательного. Я даже не запомнил бы, если б не заказ.

– А заказ был особенный?

– Дорогой. Очень дорогой. – Вейн покачал головой. – Такие вещи просто так не заказывают. Материалы, работа, настройка – это все время, это деньги. Он говорил про арт-проект, про съемки в сложных условиях, про то, что ему нужен "особый свет". Я подумал – фотограф. Профессионал. Может, из тех, кто снимает для журналов.

– Лицо? Черты? Шрамы? Родинки? Особые приметы?

Вейн наморщил лоб, пытаясь вспомнить. Глаза его забегали – он буквально перематывал память назад, кадр за кадром.

– Обычное лицо. Такое... не запоминающееся. Я бы мимо прошел и не оглянулся. Глаза вроде светлые, но не уверен – он все время отворачивался, смотрел в пол, в сторону, куда угодно, только не на меня. Неприятный тип, если честно. Холодный. От него веяло холодом, понимаете? Не в смысле температуры, а... внутри.

– А говорил что-нибудь? Акцент? Манера речи?

– Говорил мало. По делу. Спокойно так, ровно. Без эмоций. Слова взвешивал, будто каждое стоило денег. Я еще подумал – странный. Обычно заказчики интересуются, расспрашивают про детали, про возможности. А этот... сказал что нужно, заплатил и ушел. Даже не проверил ничего.

Нора достала телефон, показала Вейну видео с камеры, которое скинул Лео.

– Это он?

Вейн всмотрелся в экран, где мужчина в темной куртке забирал со стойки продолговатый кейс. Прищурился, отодвинул телефон дальше, потом приблизил.

– Куртка та же, – сказал он медленно. – И фигура... похожа. Вот тут, как он стоит, как голову держит – точно. Я запомнил, как он голову держал – чуть набок, будто прислушивался к чему-то. Или ждал чего-то. И вот этот поворот плеча – да, это он.

– У вас есть запись, когда он забирал заказ?

Вейн кивнул, слез с табурета и подошел к старому компьютеру в углу. Компьютер был допотопный, с огромным монитором на полстола, но работал – тихо гудел вентиляторами. Вейн пощелкал мышью, повозился с файлами.

– У меня камера в коридоре. Для безопасности. Мало ли кто зайдет. Вот, смотрите.

На экране появилось черно-белое видео – зернистое, с помехами. Мужчина в темной куртке, с сумкой через плечо, брал со стойки продолговатый кейс. Лица не видно – он стоял

спиной к камере и чуть боком, так что черты размывались в сером шуме. Расписался в журнале, сунул кейс под мышку и вышел. Все движение заняло секунд двадцать.

– Можно увеличить? – спросила Нора. – Хотя бы лицо в профиль?

Вейн покачал головой.

– Камера старая, качество хреновое. Я сколько ни пытался – лица не разглядеть. Видите эти помехи? Это дешевая оптика, она такие тени дает... Специально, что ли, выбирал момент, чтобы не попасть в кадр?

– Специально, – тихо сказала Нора, глядя на экран. – Он знал про камеру. Знал, где она висит, и держался так, чтобы не засветить лицо.

Она смотрела на запись, чувствуя, как внутри нарастает холод. Обычный, не примечательный мужчина. Никаких особых примет. Сорок лет. Худошавый. Таких в Сент-Ивере тысячи. Десятки тысяч. Он мог быть кем угодно – продавцом, учителем, врачом, безработным. Мог жить в соседнем доме, мог ездить в одном автобусе, мог сидеть в том же кафе.

– Он говорил что-нибудь про другие заказы? Про то, что еще понадобится? – спросила Нора, не отрываясь от экрана.

Вейн задумался, потер переносицу.

– Сказал, что может вернуться, если проект пойдет дальше. Спрашивал про инфракрасные фильтры и про линзы с особым покрытием – для съемки в полной темноте. Я сказал, что такие есть, но дорогие, делать под заказ, ждать недели две. Он кивнул, заплатил за кольцо и ушел. Больше не появлялся.

– А связаться с ним? Телефон, почта, имя?

– Ничего. Только наличные. Крупные купюры, старые, не из банкоматов. Я еще подумал – странно, сейчас все картами платят, а этот с наличными. Но мало ли...

Нора убрала телефон. Харпер стоял рядом, молча, но по его лицу было видно – он тоже понимает, как мало они получили. Обычный мужик. Серая куртка. Ни лица, ни имени, ни контактов. Только смутная фигура на плохом видео.

– Мистер Вейн, если он появится снова – позвоните немедленно. – Нора протянула визитку. – Любой ценой задержите его, но не рискуйте. Просто позвоните. Вот этот номер – мой личный. Работает круглосуточно.

Вейн взял визитку, повертел в пальцах, прочитал вслух:

– «Темная сторона». Красивое название. Это про что?

– Про жизнь, – коротко ответила Нора. – И про смерть.

Вейн спрятал визитку в нагрудный карман свитера.

– А если он уже приходил? – спросил он тихо, не поднимая глаз. – Если я ему еще что-то делал, а вы не знаете?

Нора замерла. В мастерской повисла тишина – только станок гудел где-то в углу.

– Вы делали?

– Нет. Но мог бы. Он спрашивал про линзы. Я сказал, что сделаю, если будут деньги. Он сказал, что подумает. И ушел. И я... я рад, что не сделал. Теперь рад.

Нора медленно выдохнула.

– Хорошо, что не сделали. Очень хорошо.

Она развернулась и пошла к выходу. Харпер за ней.

В дверях Нора остановилась, обернулась.

– Мистер Вейн, берегите себя. Если он вернется – даже не открывайте. Просто звоните.

Вейн кивнул, но в его глазах читался страх. Страх человека, который только что понял, что его руками могли убивать. И могли убить снова.

На улице дождь усилился, превратив мостовую в темное зеркало, отражающее редкие огни доков. Вода текла по лицу, затекала за шиворот, но Нора не замечала. Она стояла, подставив лицо небу, и думала.

– Мисс, – Харпер догнал её, пытаясь прикрыться воротником плаща, но тщетно – промок он уже до нитки. – Это всё? Обычный мужик без лица? Как мы его найдем?

Нора открыла глаза. Дождевые капли стекали по ресницам, по щекам, смешиваясь с усталостью, которая давно стала частью её существа.

– Лео, – сказала она в наушник. – Ты слышал?

– Слышал, Нор, – отозвался голос Лео. Слышно было, как он стучит по клавиатуре – быстро, нервно, вбивая новые запросы. – Обычный мужик, сорок лет, ничего особенного. Я запустил поиск по всем фотографиям города с такими параметрами. Две тысячи триста семь человек. Плюс любители, плюс те, кто мог купить камеру в рассрочку, плюс те, кто заказывал печать фото в больших форматах. Скоро будет тысяч пять.

– Сужай, – Нора говорила четко, несмотря на дождь. – Инфракрасные фильтры. Кто заказывал, кто интересовался, кто покупал за последние два года. Линзы с особым покрытием. И прогони видео с камер Вейна через распознавание походки. Может, хоть процент совпадения даст. Ищи любого, кто подходит под описание и имеет отношение к фотографии.

– Понял. Работаю. – Пауза. – Нор, это займет время. Часы. Может, сутки.

– У нас нет суток, Лео. Работай быстрее.

Она отключилась и посмотрела на Харпера.

– Поехали в агентство. Лео будет гнать данные, нам нужно их анализировать.

Харпер кивнул и зашагал к машине.

Нора задержалась на секунду, глядя на дверь мастерской. Где-то там, за ржавым металлом, сидел старик, который своими руками создал инструмент для убийцы. И теперь будет жить с этим знанием до конца своих дней.

– Прости, старик, – прошептала Нора. – Ты не виноват.

Она села в машину, хлопнула дверцей. Харпер завел двигатель, и старый мотор закашлял, чихнул, но завелся.

– Мисс, – сказал он тихо, выруливая с обочины. – У нас есть только смутное описание и видео без лица. Это очень мало.

– Знаю, – Нора закрыла глаза, откинулась на спинку сиденья. – Но это больше, чем было утром. Утром у нас был только труп и пластинка. Теперь есть имя – Хемсфорт. Есть заказ. Есть направление – инфракрасные фильтры, линзы для темноты. Вейн дал нам ниточку. Теперь дело за Лео.

– А если Хемсфорт больше ничего не заказывал? Если он сделал это кольцо и всё?

– Тогда будем искать по-другому. Но пока не проверим – не узнаем.

Машина тронулась, увозя их прочь от доков, от старого мастера, от единственной ниточки, которая вела в никуда. Фары выхватывали из темноты мокрые стены, ржавые контейнеры, редкие фигуры, спешащие укрыться от дождя.

Нора сидела с закрытыми глазами, но не спала. В голове крутились обрывки информации, складываясь в смутные узоры. Хемсфорт. Сорок лет. Обычный. Холодный. Инфракрасные фильтры. Съёмка в темноте.

– Лео, – снова вызвала она. – Добавь в поиск медицинские справочники. Миорелаксанты, газовые стабилизаторы, все, что связано с обездвиживанием. Кто заказывал, кто интересовался, у кого есть доступ.

– Понял, Нор. Добавил.

– И проверь старые дела. Не только убийства – пропавшие без вести, несчастные случаи, самоубийства. Если он снимал раньше, мы могли пропустить.

– Сделаю.

Нора открыла глаза и посмотрела в окно. Город проплывал мимо – серый, мокрый, усталый. Фонари размазывали свет по лужам, создавая абстрактные картины.

– Харпер, – сказала она негромко. – Как думаете, почему он нумерует кадры?

Харпер задумался, постучал пальцами по рулю.

– Может, хочет, чтобы их нашли? Чтобы знали, что это серия?

– Может. А может, он коллекционер. Собирает свою галерею. И каждый новый кадр – как экспонат.

– Тогда их может быть много.

– Может быть. Или не быть. Мы не знаем его ритма. Может, он снимает раз в год. Может, раз в месяц. Может, у него уже есть десяток снимков, а мы нашли только второй.

Харпер сглотнул.

– Страшно представить.

– Страшно не представить, Харпер. Страшно – не успеть.

Машина свернула на знакомую улицу. Впереди показалось старое здание, где на четвертом этаже горел свет – Лео работал, не жалея глаз и нервов.

Нора посмотрела на часы. Почти полночь.

– Сколько мы уже не спим? – спросила она.

– Вы – не знаю. Я – часов восемнадцать.

– А я – двое суток, – усмехнулась Нора. – Но это норма. Организм привык.

Она достала из кармана пластинку «002», повертела в пальцах.

– Покажи мне, кто ты, Эдриан Хемсфорт, – прошептала она. – Покажись.

Машина остановилась у подъезда.

Где-то в темноте Сент-Ивера обычный не примечательный мужчина сорока лет проверял светодиодное кольцо, протирал линзы и выбирал место для следующего кадра.

Третьего.

Или четвертого.

Или десятого.

Никто не знал.

Кроме него самого.

Глава 4: Проявка и тени

Харпер высадил Нору у входа, сославшись на срочный отчет для Уайта. Он выглядел так, будто ему нужно было не в управление, а в ближайший бар – отмыться от всего, что он сегодня услышал. Лицо его было серым, как стены домов вдоль Керк-роуд, а руки на руле заметно дрожали, когда он разворачивался. Нора лишь молча кивнула, не глядя, как его машина растворяется в ледяной мороси. Она понимала – Харпер не трус, но сегодняшний день выжал из него всё. И даже больше. Ей показалось, или в его взгляде, брошенном в зеркало заднего вида перед отъездом, мелькнуло что-то похожее на зависть? Зависть к тому, что она может уйти в свое агентство, а ему – тащиться в управление, писать отчеты, выслушивать нотации от начальства, которое понятия не имеет, что на самом деле происходит в этом городе.

Подъем на четвертый этаж в этот раз дался труднее. Каждая ступенька отдавалась в висках тупым молотом. Нора считала их машинально – тринадцать, четырнадцать, пятнадцать. На шестнадцатой она споткнулась, едва не упав, и схватилась за перила. Перила были холодными и гладкими – металлическими, крашенными серой краской, которая местами облупилась, но в целом лестница содержалась в порядке. Офисное здание, ничего личного. Стены выкрашены в невыразительный бежевый, на каждом этаже таблички с названиями фирм. Лифт в здании сломался еще в прошлом тысячелетии, и сейчас она почти радовалась этому – тряска и движение хоть как-то не давали отключиться прямо на лестнице.

На площадке второго этажа горели все лампы – три из трех, ровный белый свет без мигания. Здесь располагалась какая-то бухгалтерская контора, судя по табличке, и они явно следили за освещением. Нора перешагнула через идеально чистый пол и продолжила подъем.

Третий этаж встретил ее тишиной и запахом офисной бумаги – где-то работал принтер, равномерно жужжал. Из-за двери с надписью «Юридические консультации» доносились приглушенные голоса – кто-то обсуждал договоры. Обычная рабочая жизнь. Нора ускорила шаг.

Дверь агентства «Темная сторона» скрипнула, и Нору сразу встретил запах, которого здесь не было целый месяц. Смесь дорогого одеколона с нотками выделанной кожи и едкого, дешевого табака. Запах чужого присутствия. Запах, который она надеялась больше никогда не чувствовать в этом кабинете.

Она замерла на пороге, сканируя помещение.

За вторым столом, который еще утром казался заброшенным алтарем с пиджаком на спинке стула, сидел мужчина. Он закинул ноги прямо на стопку раскрытых справочников, и те жалобно хрустнули под тяжестью его модных ботинок. В руке он лениво вертел зажигалку Zippo, заставляя крышку щелкать с монотонным ритмом метронома. Тот самый пиджак, который Нора видела утром на спинке, теперь сидел на нем идеально, подчеркивая широкие плечи и дорогой покрой – явно не с вешалки, а шитый на заказ.

На вид ему было около двадцати шести – лицо с легкой щетиной, нагловатый взгляд и шрам, пересекающий левую бровь. Шрам был старый, белесый, но всё еще заметный – память

о какой-то давней драке, в которой он, судя по всему, победил. Или просто сумел унести ноги, что для него, возможно, одно и то же.

Лео сидел за своим столом, и по тому, как он барабанил по клавиатуре – уверенно, даже с вызовом, – Нора поняла: Калев уже пытался его задеть, но не прокатило. Лео только глянул на него мельком и вернулся к мониторам, даже бровью не повел.

– О, вернулась, – произнес Калев, не оборачиваясь. Голос был хриплым и до тошноты насмешливым. – А я уж думал, тебя там в оранжерее удобрением для пальм пустили. Говорят, свежие жмурики – отличная подкормка для экзотики.

Нора прошла мимо, даже не замедлив шага, и швырнула мокрую худи на вешалку. Та жалобно хлюпнула и повисла кривым комом, с которого на пол тут же натекла небольшая лужица.

– Смотрю, ты все-таки нашел дорогу домой, Калев, – бросила она через плечо, сдирая с ног промокшие кеды и отбрасывая их в угол. Носки тоже были мокрыми, но сил снимать их уже не было. – Я надеялась, что в тех доках на юге тебя прикопали поглубже. В Сент-Ивере стало бы на один источник загрязнения меньше.

Калев усмехнулся, наконец-то чиркнув зажигалкой. Огонек осветил его лицо – уставшее, но дерзкое, с тем особенным выражением человека, который привык, что его боятся. Он затаился и выдохнул облако дыма прямо в сторону таблички «Не курить», которую сам же когда-то и прибил в шутку – криво, одним гвоздем, но табличка висела уже три года и никто ее не снимал.

– Работа в доках – это искусство терпения, Салливан, – выделил он её фамилию, смакуя каждый слог, будто пробовал дорогое вино. – Тебе, с твоим шилом в одном месте и вечным желанием доказать, что ты умнее Бога, этого не понять. Ты всё возишься со своими трупами-куклами в оранжерее? Скучно. Обычное позерство для газет. Вот у меня была реальная грязная работа, мужская.

Он говорил это и одновременно рассматривал её – с ног до головы, с той особенной мужской наглостью, которая должна была выбить её из колеи. Но Нора давно перестала реагировать на такие взгляды. Они скользили по ней, как вода по стеклу, не оставляя следа.

– Мужская работа? – вдруг подал голос Лео, не отрываясь от монитора. – Калев, ты месяц пас одного логиста, а вчера я за пятнадцать минут нашел его переписку с конкурентами в открытом доступе. Ты просто хотел отдохнуть за счет агентства.

Калев поперхнулся дымом и резко обернулся.

– Ты вообще молчи, мелочь...

– Я не мелочь, – перебил Лео, даже не повышая голоса. – Я аналитик, который приносит результат. А ты – реквизит для антуража.

Нора чуть заметно усмехнулась. Лео – молодец. Вырос.

Она остановилась у своего стола и медленно, с достоинством хищника, повернулась к Калебу. Её босые ступни ощущали холодный пол, но она не замечала холода.

– Если ты не заметил, Калеб, дела о котятках идут только к тебе в руки – видимо, твой потолок компетенции идеально совпадает с уровнем интеллекта домашних животных. У меня дела посерьезнее. Пока ты тратишь бюджет агентства на выпивку и байки о своих «героических» шрамах, по городу ходит профессионал, для которого люди – это просто натюрморты. Композиции. Расходный материал для искусства.

Она сделала шаг ближе, впечатывая каждое слово в его самодовольное лицо:

– Так что вынь ноги из моих справочников и заройся обратно в свои отчеты о пропавших контейнерах с рыбой. Там как раз твой уровень: много вони и никакой интеллектуальной нагрузки. Оставь настоящую работу тем, у кого мозг не заплыл портовым виски.

Калеб открыл было рот, чтобы огрызнуться, но Нора уже развернулась к нему спиной, всем своим видом показывая, что он для неё перестал существовать. Его челюсть дернулась, пальцы сжали зажигалку так, что костяшки побелели. Но сказать ему было больше нечего – она размазала его самоуверенность одним точным ударом, даже не повысив голоса.

В комнате повисла тишина, нарушаемая только тихим гулом Леошкиных мониторов и тяжелым дыханием Калеба, который пытался придумать достойный ответ, но ничего не приходило в голову.

Нора перевела взгляд на Лео.

– Лео, – сказала она ровно, будто ничего не произошло. – Управление дало добро. Моррисон подписал приказ. Как только получишь код – взламывай базы закрытых бутиков. Мне нужно это платье. То, что было на жертве. Это эксклюзив. Такие не продают в торговых центрах. Я хочу знать имя каждой женщины в этом городе, которая имела глупость его купить.

Лео кивнул, пальцы уже запорхали по клавиатуре.

– Уже лезу, Нор. Есть доступ к трем базам. «Maison de Luxe», «Elena's Closet» и «Северный шелк». Если платье оттуда – я найду. Дай мне двадцать минут.

– Ищи, – Нора подошла к своему столу, провела рукой по стопке бумаг. – И пробей по базе дорогих ателье. Может, она шила на заказ. Такие вещи часто индивидуальны. Сними размеры с фото, сравни с лекалами.

– Понял. Уже запустил поиск по крою.

Нора почувствовала, как пол под ногами начинает слегка плыть. Двое суток без сна наконец-то предъявили счет. Глаза слипались, мысли путались, а где-то в затылке поселилась тупая, ноющая боль, которая пульсировала в такт сердцебиению. Она подошла к старому кожаному дивану в углу, и рухнула на него, накрывшись колючим пледом. Плед пах пылью и Леошкиным энергетиком, но сейчас это было лучше, чем ничего. Гораздо лучше.

– Если этот клоун в пиджаке попытается заговорить со мной еще раз – кинь в него чем-нибудь тяжелым, Лео. Я разрешаю. Можешь использовать системный блок. Тот, который старый, мне не жалко.

– Не кину, – спокойно ответил Лео, даже не оборачиваясь. – Но могу отключить ему интернет на пару часов. Будет сидеть и щелкать зажигалкой в тишине. Это даже веселее.

Нора усмехнулась в плед.

Кaleb фыркнул, но промолчал. Только зажигалка щелкнула еще раз, и сигаретный дым поплыл к потолку, смешиваясь с запахом старой бумаги и пыли.

Нора закрыла глаза.

Сон пришел мгновенно. Тяжелый, вязкий, без сновидений. Ей казалось, что она проспала вечность, хотя на деле прошло чуть больше часа. Она провалилась в темноту, как камень в воду – без сопротивления, без мыслей, без снов. Только иногда где-то на границе сознания всплывали обрывки: голос Эймс, серое лицо Харпера, дрожащие руки Вейна. И лицо – обычное, не запоминающееся лицо мужчины в темной куртке, которое она никак не могла разглядеть. Оно ускользало, таяло, превращалось в серое пятно.

И вдруг – голос.

– Нора.

Голос был тихим, ленивым, почти сонным. В нем не было ни яда Калеба, ни суеты Харпера, ни панических ноток. Этот голос звучал так, будто его обладатель лежит на пляже где-то на другом конце света и просто лениво интересуется, как там дела в этом промозглом городе.

Нора открыла глаза.

Над ней стоял мужчина.

Ему было, наверное, под пятьдесят, но выглядел он максимум на сорок. Платиновые волосы – редкий, почти белый оттенок блонда – падали на лицо неровными прядями. Они были длинными, до плеч, и уложены в тот самый корейский маллет, который сейчас носили только к-рор айдолы и очень уверенные в себе люди. Челка падала на глаза, но сквозь неё все равно просвечивал взгляд – острый, внимательный, ленивый одновременно.

Одет он был в свободный свитер крупной вязки, мешковатые джинсы и какие-то невероятные потертые кеды. На шее – тонкая серебряная цепочка с кулоном в виде фотоаппарата, старого, пленочного. В руке – дымящаяся кружка, от которой пахло не просто кофе, а чем-то божественным.

Это был мистер Арно – директор агентства «Темная сторона».

Он улыбнулся – лениво, чуть прищурившись, и в этой улыбке не было ни капли официальности. Только тепло и легкая насмешка.

– Просыпайся, Салливан, – сказал он, протягивая ей кружку. Голос его был низким, с хрипотцой, будто он только что проснулся или вообще никогда не ложился. – Лео тут такое нарыл... Ты должна это видеть. И кофе пей, пока горячий. Такой больше нигде не сделают.

Нора села, потирая лицо. Плед сполз на пол, но она не заметила. Она смотрела на Арно и чувствовала, как куда-то уходит вся усталость. Не потому что он был начальником – а потому что рядом с ним вообще невозможно было киснуть.

– Спасибо, сэр, – сказала она, принимая кружку. Глоток обжег горло, но это было приятно – живое тепло после холода улиц и ледяной мороси. Кофе был восхитительным – насыщенным, с шоколадными нотками и легкой кислинкой. Такой не пьют, его смакуют.

– Сколько раз говорить – не называй меня сэром, – Арно махнул рукой и уселся прямо на угол её стола, свесив ноги. – Я же не на параде. Просто Арно. Или дядька, если хочешь.

– Дядька? – усмехнулась Нора.

– Ну, я старше. Имею право, – он подмигнул. – Ладно, к делу.

Он щелкнул пальцами, и Лео, который все это время спокойно сидел за мониторами, даже не дернулся – только плавно развернулся на стуле и подошел с планшетом.

– Нор, слушай, – Лео говорил уверенно, четко, без обычной скороговорки. – Я пробил платье. «Северный шелк», эксклюзивная модель, сшита три месяца назад в единственном экземпляре. Заказчица – женщина по имени Виктория Рэй. Сорок лет, вдова. Состояние – наследство мужа, погибшего в автокатастрофе пять лет назад. Живет одна в районе старых особняков, на улице Магнолий. Там такие дома дореволюционные, с колоннами.

Нора слушала, не перебивая, запоминая каждое слово.

– Адрес точный есть?

– Есть, – кивнул Лео. – Дом семнадцать. Но есть проблема. Виктория Рэй исчезла две недели назад. Аккаунты заморожены, последний пост три недели назад. Соседи молчат, но через городские форумы я нашел одну – она писала, что в доме напротив уже две недели никто не открывает шторы. А раньше Виктория каждый вечер их открывала.

Арно лениво почесал в затылке, откидывая волосы назад.

– Полиция? – спросил он.

– Не принимала заявление, – Лео развел руками. – Пропавших взрослых ищут только через три дня, а тут две недели, но никто не бил тревогу. Она была затворницей. Друзей нет, родственников нет. Муж умер, родители, судя по базе, тоже. Одиночка.

Нора поставила кружку.

– Значит, убийца знал её. Знал, что никто не хватится. Знал, где она живет. Может, даже был знаком. Может, они встречались.

– Возможно, – Арно достал из кармана джинсов сложенный лист бумаги – помятый, явно из кармана, развернул его на столе. – Вот список всего, что Лео смог накопать по её связям. Минимум. Почти никого. Магазины, доставка еды, одна подруга, которая уехала в Европу полгода назад. Но есть одна странность – три месяца назад она посещала фотографа. Для портрета. Заказ, оплачен, но отменен за день до съемки.

Нора подалась вперед.

– Название студии?

– «Экспозиция». Владелец – мужчина, сорок лет, темные волосы, худощавый. Имя – Эдриан Хемсфорт.

В комнате повисла тишина. Лео спокойно стоял с планшетом, Калев перестал щелкать зажигалкой. Только Арно лениво покачивал ногой, разглядывая потолок.

– Хемсфорт, – повторила Нора медленно. – Тот самый.

– Тот самый, – подтвердил Арно, даже не меняя позы. – Который заказывал оборудование у Вейна. Который уехал из Милдхейвена после смерти женщины в кинотеатре. Который сейчас, возможно, готовит третий кадр. Или четвертый. Или десятый.

Нора встала, прошлась по комнате. Мысли в голове неслись с бешеной скоростью, выстраиваясь в логические цепочки.

– Значит, Виктория Рэй заказывала у него портрет. За день отменила. А через две недели пропала. А потом её нашли в оранжерее с пластинкой «002» под ногой.

– Логично, – кивнул Калев. Он потянулся, как довольный кот, и зевнул. – Очень логично. Прямо учебник.

– Что говорит студия? – Нора остановилась. – Хемсфорт там еще работает?

– Студия закрыта неделю назад, – Лео подал голос, все так же спокойно. – Я пробил по аренде. Помещение пустует, договор расторгнут. Хозяин съехал, адреса не оставил. Но я нашел одну зацепку – он платил за студию наличными, но забрал почту. А почту ему пересылали на абонентский ящик.

– Адрес ящика? – быстро спросила Нора.

– Есть. Центральное почтовое отделение, ячейка 217. Я уже запросил данные, но там нужен ордер.

– Харпер сделает, – Нора снова села, взяла кофе. – У нас есть имя. Есть связь с жертвой. Этого достаточно, чтобы начать официальный поиск.

– Харпер уже в курсе, – Арно лениво махнул рукой. – Я позвонил ему, пока ты спала. Он как раз заезжал в управление. Сказал, что выбивает ордер на обыск студии и абонентского ящика. Если повезет, к утру у нас будет адрес.

Нора кивнула. В голове уже строился план действий.

– Я поеду на улицу Магнолий. Осмотрю дом Виктории. Может, там есть зацепка – дневник, фото, записи. Хемсфорт мог оставить след. Если они встретились – мог что-то подарить, написать.

– Бери Лео с собой, – распорядился Арно, не меняя ленивого тона. – Он с техникой лучше. И Калеба.

Нора дернулась, будто её ударили током.

– Калеба? – переспросила она, и в голосе её зазвенело все, что она думает по этому поводу. – Сэр, вы серьезно?

– Вполне, – Арно даже не открыл глаза, но тяжело вздохнул понимая, что ее не изменить. Он просто сидел, откинувшись на спинку стула, и покачивал ногой. – У него другие методы, но они работают. В старых особняках с соседями лучше говорить тому, кто умеет располагать к себе. Ты – гений, Нора, но с живыми людьми у тебя... проблемы. Ты их пугаешь. Ты видишь их насквозь, и им это не нравится. Кaleb умеет улыбаться, умеет быть своим. Используй его.

Кaleb в углу довольно ухмыльнулся, но ничего не сказал. Только щелкнул зажигалкой, пуская колечко дыма.

Лео глянул на Калеба, потом на Нору и коротко хмыкнул:

– Если он будет доставать, Нор, я ему в навигаторе проложу маршрут прямо в болото. Скажу, что так короче.

Кaleb поперхнулся дымом.

– Ты... да я тебя...

– Сидеть, – лениво бросил Арно, даже не открывая глаз. – Оба.

Кaleb заткнулся.

Нора усмехнулась, допила кофе одним глотком и повернулась к Лео.

– Собирай оборудование. Камеру, сканер отпечатков, ультрафиолет, всё, что нужно для осмотра места. Выезжаем через двадцать минут. И захвати зарядники – мало ли.

– Уже собрал, – Лео кивнул на сумку у двери. – Минут пять назад. Ждал, пока ты проснешься.

Нора одобрительно хмыкнула. Лео рос на глазах.

Она натянула почти высохшую худи – она все еще была влажной, но терпимо. Обулась, зашнуровала кеды и только потом посмотрела на Калеба.

– Ты, – сказала она холодно. – Будешь молчать и делать то, что я скажу. Никакой самодеятельности. Никаких твоих фокусов. Понял?

Калёб лениво поднялся, отряхнул пиджак – тот самый, дорогой, который так шел к его плечам. Поправил воротник, шелкнул зажигалкой еще раз, спрятал её в карман.

– Как скажешь, Салливан, – ответил он с той же ленивой усмешкой. – Я сегодня добрый. Даже слишком. Может, луна не в той фазе.

– Доброта мне не нужна. Мне нужно, чтобы ты не лез под руку и не создавал проблем.

Она вышла в коридор, не дожидаясь ответа.

Лео вышел за ней, легко перекинув сумку через плечо. На лестнице он поравнялся с Норой и сказал тихо, но уверенно:

– Не переживай за Калеба. Если что – я прикрою. И не только интернетом.

Нора глянула на него с интересом.

– Отрастил зубы, Лео?

– Не зубы, – усмехнулся он. – Просто понял, что бояться некогда. Работа есть работа.

Она коротко кивнула. Хороший ответ.

Они вышли на улицу. Дождь почти прекратился, только редкие капли падали с крыш, разбиваясь об асфальт с тихим звоном. Воздух стал чище, прозрачнее, пахло мокрым асфальтом и близкой переменной погодой. Где-то вдалеке завывала сирена – обычный звук для Сент-Ивера.

Калёб вышел следом, закуривая на ходу. Дым смешался с паром от дыхания.

– Красивый район, эта Магнолии, – заметил он, выпуская облако в серое небо. – Бывала там?

– Нет, – коротко ответила Нора, глядя на подъезжающее такси, которое вызвал Лео.

– А я бывал. – Калёб затянулся. – Один раз, по делу о наследстве. Там тихо, как на кладбище. Идеальное место для затворницы. Дома старые, с историей. Соседи друг друга не знают, живут за высокими заборами. Можно кричать – никто не услышит.

Лео, загружая сумку в багажник, бросил через плечо:

– Кaleb, ты сейчас про страхи рассказываешь или просто воздух сотрясаешь? Нора и без тебя знает, что там тихо. Она вообще всё знает.

Кaleb открыл рот, но Нора уже села в такси.

– Заткнись и садись, – сказала она устало. – Лео, ты с нами.

Лео усмехнулся, глянул на Калеба и нырнул в машину.

Такси тронулось, фары выхватили из темноты мокрый асфальт. Нора смотрела в окно на проплывающие мимо огни Сент-Ивера и считала в уме, сколько часов у них осталось до того, как Хемсфорд снова нажмет на спуск.

Лео сидел рядом, спокойный и собранный. Кaleb на переднем сиденье молчал, только зажигалку вертел в пальцах.

– Лео, – тихо сказала Нора. – Ты молодец.

Он кивнул, не оборачиваясь.

– Знаю, Нор. Просто работаем.

Машина свернула за угол и поехала в сторону старых особняков, туда, где в доме номер семнадцать на улице Магнолий уже две недели никто не открывал шторы.

Глава 5: Дом на улице Магнолий

Район старых особняков встретил их оглушительной тишиной. Здесь даже воздух казался другим – густым, неподвижным, пропитанным запахом прелой листвы и сырости, которая въелась в старые стены за десятилетия. Улица Магнолий полностью оправдывала свое название: огромные деревья смыкались над дорогой, превращая её в темный туннель, сквозь который даже дневной свет пробивался с трудом. А сейчас, в вечерних сумерках, здесь было почти непроглядно. Фонари горели через один, и те, что работали, давали ровно столько света, чтобы разглядеть собственные руки, но не больше.

Нора смотрела в окно такси, провожая взглядом чугунные ограды, утопающие в плюще. Каждый дом здесь был отдельной историей, отдельной жизнью, отдельной тайной. И где-то в одной из этих тайн прятался Хемсфорд.

Такси остановилось у ворот дома номер семнадцать. Фары выхватили из темноты кованую ограду, увитую плющом, и массивные ворота, которые явно не открывали годами – петли проржавели насквозь, а нижний край утонул в зарослях крапивы. Дом угадывался в глубине участка – темная громада с остроконечной крышей и тремя трубами, похожими на пальцы мертвеца, тянущиеся к небу.

– Приехали, – буркнул водитель, косясь на мрачный особняк в зеркало заднего вида. Он поскорее забрал деньги, даже не пересчитав, и газанул так, что гравий брызнул из-под колес. Красные огни такси быстро растворились в темноте, оставив их одних перед кованым забором.

– Напуганный, – прокомментировал Кaleb, после того как выбрался из машины и с хрустом потянулся. Он размял шею, похрустел пальцами и только потом оглядел забор. – Местные, видать, байки рассказывают. С привидениями и скрипучими половицами. Или просто фильмов ужасов посмотрелись.

– Или чуйка у них работает, – тихо ответила Нора, не отрывая взгляда от дома. – Здесь правда есть чего бояться. Только привидения тут ни при чем.

Кaleb по-хозяйски оглядел забор, прикидывая высоту и сложность. Пару раз дернул створку – бесполезно, замок держал мертво.

– Ну что, Салливан, смотри и учись, пока я добрый. Сейчас я вскрою этот склеп быстрее, чем ты успеешь сказать «процессуальный кодекс».

Нора даже не взглянула в его сторону. Она стояла у калитки, вглядываясь в темноту участка, и о чем-то напряженно думала. Её пальцы машинально теребили в кармане пластинку «002» – жест, который уже стал привычным. Гравировка въелась в подушечки, но она продолжала водить по ней большим пальцем, будто это помогало думать.

Кaleb вытащил из кармана связку отмычек – видавшую виды, но явно дорогую, в кожаном чехле – ловко выбрал одну и склонился над массивным замком калитки. С полминуты он возился, прислушиваясь к механизму, потом сменил инструмент.

Прошло тридцать секунд. Минута. Кaleb сопел, менял отмычки, но механизм даже не щелкнул.

– Проклятье, – прошипел он, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони. – Тут замок с двойным секретом, английский, старый... его заклинило от сырости. Лео, подсоби, навались плечом...

Лео уже шагнул было помочь, но Нора, стоявшая в стороне со скрещенными на груди руками, даже не шелохнулась. Только бровь чуть приподняла.

– Кaleb, не позорься, – сказала она ровно, без насмешки – с той спокойной уверенностью, которая была хуже любой насмешки. – Этот замок не открывали лет пять. Виктория пользовалась боковой калиткой для прислуги, она ближе к гаражу. А ты сейчас пытаешься взломать декоративный антиквариат, который стоит тут с прошлого века и давно проржавел изнутри.

Она сделала шаг в сторону, к густым зарослям плюща, которые скрывали проход к дому. Плющ был старым, с толстыми, одревеневшими стеблями – он рос здесь десятилетиями, оплетая всё, до чего мог дотянуться.

– И раз уж ты так жаждешь «мужской работы» – иди к дому напротив. Там в окне второго этажа уже пять минут дрожит занавеска. Соседка явно не спит и возможно записала номер нашего такси. Иди и очаруй её так, чтобы она рассказала, кто заезжал сюда по ночам. Это как раз твой уровень – чесать языком. Покажи, на что ты способен, раз уж с замками не вышло.

Кaleb выпрямился, пряча отмычки в карман и стараясь сохранить лицо. На лбу выступила испарина, но он даже не вытер – жест вышел бы слишком сдающим позиции.

– Ну, раз гений Салливан просит... Пойду пообщаюсь со старушкой. Только не плачь, если я узнаю больше, чем ты со своими микроскопами и пинцетиками.

Он поправил пиджак, пригладил волосы и, насвистывая, направился к соседнему участку. Даже походка у него изменилась – стала расслабленной, почти ленивой, уверенной. Кaleb умел переключаться, когда надо. Нора признавала это, хоть и не вслух.

– Лео, за мной, – бросила она, дождавшись, пока Кaleb скроется за поворотом.

Она подошла к боковой калитке – неприметной, деревянной, почти скрытой зарослями дикого винограда. Та оказалась просто прикрыта. Нора толкнула её, и калитка открылась с едва слышным скрипом. Петли недавно смазывали – масло еще блестело на металле.

– Ключ ей не был нужен, – тихо сказала Нора, переступая порог. – Она ждала кого-то. Кого-то, кому доверяла настолько, что оставила дверь открытой. Или не просто доверяла – ждала с нетерпением.

Они вошли в дом через кухонный вход. Лео сразу достал планшет, проверяя датчики – уровень радиации, газоанализатор, даже детектор движения – но Нора его остановила, приложив палец к губам. Она не включила фонарик. Вместо этого она стояла в темноте, вдыхая запах дома.

Пахло сыростью, старой мебелью, чем-то сладковатым – может, духами, может, гниющими цветами, стоявшими в вазе. И еще чем-то неуловимым, что Нора не могла определить сразу. Чужим присутствием, которое уже выветрилось, но оставило след – тонкий, едва уловимый аромат табака, смешанного с одеколоном.

– Нора, тут темно, как в... – начал было Лео, но она снова приложила палец к губам.

– Тише. Смотри под ноги.

Она аккуратно включила узкий луч фонаря, направляя его на кухонный пол. Луч выхватил из темноты старую плитку, местами треснувшую, и тонкий слой пыли.

– Видишь? – прошептала Нора.

– Пыль? – неуверенно спросил Лео, вглядываясь. – Ну, пыль. Две недели без хозяйки – естественно.

– Нет. Смотри внимательнее. Пыль лежит ровно везде, кроме полосы вдоль плинтуса. Вот здесь, – она обвела лучом пространство у стены, – и вот здесь. Прямоугольники. Понимаешь?

Лео присмотрелся. Действительно – на полу виднелись чистые участки, будто что-то стояло и недавно убрали. Границы были четкими, почти идеальными.

– Миски, – выдохнул он. – Собачьи или кошачьи. Две штуки.

– Правильно. Но животных в доме нет – запах шерсти давно выветрился, хотя должен был остаться, если бы животное жило здесь постоянно. Виктория избавилась от питомца, отдала. – Нора замолчала, подумала. – Или уснула. Она знала, что уходит, и не хотела, чтобы животное страдало от голода. Это не было похищением из подворотни, Лео. Это была подготовка. Спокойная, осознанная подготовка.

Нора прошла в холл, её луч скользнул по вешалке, по зеркалу, по старинному комоду с резными ножками.

– На вешалке только легкое пальто. Осеннее. Но в шкафу в прихожей пусто. Виктория собрала вещи? Нет. Посмотри на полку для обуви.

Лео посветил вниз. На деревянной полке аккуратным рядком стояли только домашние тапочки – пушистые, с помпончиками, явно дорогие. Ни сапог, ни туфель, ни даже уличных кроссовок.

– Она ушла босиком? – удивился Лео, и тут же понял глупость вопроса. – Нет, она ушла в туфлях. Но где тогда туфли?. Но тогда где остальная обувь? Куда делись все её ботинки, сапоги, туфли?

– А их и не было, – Нора присела у небольшого столика с зеркалом, направила луч на поверхность. – Виктория была затворницей, но не бедной. Она могла позволить себе обувь на все случаи. Но посмотри сюда.

Луч уперся в пустое место на столике, где явно что-то лежало – прямоугольник четко выделялся на запыленной поверхности.

– Здесь лежала квитанция. Или письмо. Или фотография. Видишь след на пыли? Прямоугольник. Кто-то забрал бумагу совсем недавно. День или два назад.

– Хемсфорд вернулся за уликами? – прошептал Лео. Сердце забило чаще, пульс отдавал в висках. – Он был здесь после убийства?

– Возможно. А возможно, он просто что-то забыл и приехал забрать. Опять же посмотри на зеркало. – Нора перевела луч на стекло. – Видишь разводы?

На поверхности зеркала виднелись едва заметные полосы – кто-то пытался его протереть. Но не всё, а только один участок – на уровне глаз человека среднего роста. Остальная часть зеркала осталась пыльной, нетронутой.

– Здесь было написано сообщение, – голос Норы звучал ровно, но в нем чувствовалось напряжение. – Мылом или помадой. Или даже пальцем на запотевшем стекле. Убийца стер его, когда Виктория уже... перестала быть собой. Но он сделал это небрежно. Торопился. Или просто не хотел к этому прикасаться дольше, чем нужно.

Нора достала из сумки кисточку с магнитным порошком, которым обычно снимают отпечатки пальцев. Легкими, почти невесомыми движениями она провела по зеркалу.

Из серой пыли начали проступать контуры букв. Кривых, дерганных, написанных дрожащей рукой. Следы от пальцев, которыми водили по стеклу – размашисто, нервно, торопливо.

Нора продолжала работать кисточкой, и надпись проступала все четче, будто проявлялась из небытия.

«УЛЫБНИСЬ. ТЫ В КАДРЕ».

Лео замер, забыв дышать. Сглотнул, но ком в горле не проходил.

– Она написала это сама? – выдохнул он. – Виктория?

– Да. Это её почерк. Видишь наклон букв, нажим? Женский, нервный, с элементами неуверенности. Она написала это перед тем, как... перед тем, как он сделал снимок. Возможно, в тот самый вечер.

Нора отступила на шаг, разглядывая надпись.

– Он не просто убил её, Лео. Он заставил её участвовать в подготовке. Она знала, что он делает. Она видела, как он настраивает свет в её собственной гостиной. И она... согласилась. Эти две недели она не была заперта в подвале. Она ждала его. Готовилась. Отдала животное. – Голос Норы стал ледяным, как вода в зимнем порту. – Она была в восторге от собственного конца.

– Но как? – Лео не мог поверить. – Как можно быть в восторге от того, что тебя убьют? Это же... это противоестественно.

– Он не называл это убийством, Лео. Он называл это искусством. И она поверила. Она стала его музой. Соучастницей. – Нора покачала головой. – Хемсфорт не просто маньяк. Он чертов режиссер, который заставляет своих жертв влюбляться в сценарий собственной смерти. Он дает им то, чего им не хватало – внимание, восхищение, чувство избранности. А они не видят, что за этим стоит.

Она отошла от зеркала, направилась в гостиную. Лео двинулся за ней, стараясь не смотреть на зловещие буквы, но они будто притягивали взгляд.

Гостиная была просторной и тихой, и Нора медленно обводила лучом пространство, впитывая каждую деталь, потому что каждая вещь здесь могла рассказать свою историю, если уметь слушать. Старинная мебель красного дерева, пианино в углу с нотами на подставке – Шопен, между прочим, женщина с хорошим вкусом, камин с мраморной полкой, на которой стояли фарфоровые статуэтки и старые подсвечники, и среди них, чуть сбоку, серебряная рамка, небольшая, изящная, явно дорогая, и в этой рамке – фотография.

Нора подошла ближе, и сердце на секунду пропустило удар, потому что на фотографии была Виктория – в том самом голубом платье, в котором её потом нашли в оранжерее, стоящая у этого самого камина, опершись рукой на мраморную полку, и свет падал на неё идеально, мягко, студийно, подчеркивая скулы и глаза, и она улыбалась в объектив счастливо и беззаботно, будто позировала для обложки журнала, будто не знала, что этот кадр станет последним в её жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.